

*Ты слышишь
меня?*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КСЮША РАЙСКАЯ

Ксюша Райская
Ты слышишь меня?

«Автор»

2026

Райская К.

Ты слышишь меня? / К. Райская — «Автор», 2026

История с атмосферой фильмов о любви 2000-х годов. Однажды встречаются двое, чьи жизни изначально шли по разным траекториям. Филипп живёт в тишине, где каждое движение, взгляд и вибрация имеют значение. Потеряв слух и прошлое, он обрёл способность — видеть людей глубже, чем они сами готовы признать. Его путь — это борьба за целостность, за своё место в мире и за право на любовь. В книге описано восприятие жизни глухого человека. Герда — девушка, которая всю жизнь мечтала о мире ослепительного глянца, где она — лицо красоты и совершенства. Но за идеальными кадрами скрывается история силы, утрат и выбора — быть собой, а не отражением чужих ожиданий. Это история о любви, которая не кричит, а звучит тишиной. О людях, которые не спасают друг друга, а становятся собой. О выборе между страхом и смелостью. И о том, что иногда самые важные слова не нужно произносить вслух. Книга подойдёт читателям современных любовных романов, драматичных историй о втором шансе и сильных чувствах.

© Райская К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	47
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ксюша Райская

Ты слышишь меня?

Глава 1

Примечание для читателя: «— Все что написано вот так, в кавычках и курсивом — значит человек общается языком жестов».

Приятного чтения!

Филипп

Я касаюсь клавиш пальцами, и это прикосновение — долгожданная встреча. Сначала подушечки пальцев ощущают лишь приятное тепло шероховатой слоновой кости, но в следующее мгновение наступает вибрация. Она рождается где-то глубоко в недрах инструмента, проходит сквозь дерево, сквозь воздух и входит в меня — прямо через фаланги, через запястья, через плечевые суставы. Я чувствую, как моя кровь начинает течь в такт этой вибрации.

Пальцы сами находят нужные ноты, скользят по ним плавно, как вода по гальке. Первый звук получается робким, серебристым, будто кто-то уронил в тишину стеклянную бусинку. Но следом приходит второй звук, более полный, и они начинают переплетаться, сплетаясь в узор мелодии, которую я, казалось бы, уже давно забыл. Мелодия растет из-под моих рук, словно я не играю, а всего лишь приподнимаю тонкую ткань, за которой эта музыка существовала вечно. Здесь нет привычной строгости гамм. Это что-то первозданное. В ней есть грусть первого луча утреннего рассвета, который знает, что появится, теперь, только завтра, и в то же время — ликующая дерзость ветра, которому нечего терять.

Верхние ноты звенят, как капли дождя, упавшие в глубокий колодец и уходящие эхом в бесконечность. А басы внизу гудят спокойно и мощно, как дышит величественный лев, согревающий своим телом землю. Я закрываю глаза. Внутри у меня разливается странное, давно забытое чувство целостности. Здесь, за этим пианино, мир не распадается на осколки. Здесь мои руки знают и помнят всё. Я чувствую, как по позвоночнику поднимается теплая волна дрожи, достигает затылка и рассыпается искрами под веками. Я здесь. Я реален.

Аккорд становится все плотнее, пространство наполняется сияющим, почти невыносимым по красоте звуком, кажется, еще мгновение — и я смогу раствориться в этой гармонии, стать частью этой идеальной атмосферы...

Но вот миг и резкий, звериный, ломающий ритм, толчок. Тошнотворное ощущение, когда реальность выворачивается наизнанку. Пианино уходит из-под моих пальцев с физической болью разрыва. Мелодия обрывается с хрустом, будто кто-то сломал позвоночник скрипке.

Мир кувыркается. На мгновение я теряю ориентацию в пространстве: там, где был пол, оказывается потолок, где был свет — тёмная бездна. Я падаю, но не могу понять, куда именно. Я чувствую, как мое тело скручено, чувствую, как что-то сильно давит на грудную клетку. Плечи вдавлены во что-то твердое, в шее болит от неестественного положения. Голова раскалывается надвое. Я вишу вниз головой.

В ушах стоит гулкая тишина, в которой гаснут последние обрывки той божественной мелодии. А перед глазами, когда переворот завершается и взгляд наконец фокусируется, я вижу перевернутый мир.

Все вокруг искажено. Металл, стекло, какие-то разводы на том, что должно быть потолком. Предметы, которые я не успеваю узнать, выглядят чудовищно, неправильно, будто я вижу их сквозь мутную воду. У меня нет сил пошевелиться.

И тут, я замечаю, как что-то течет. Кровь. Она растекается медленно, зловеще блестит в тусклом свете. Густая, темная. Капли срываются и летят вниз.

Я смотрю на нее, и где-то на периферии сознания понимаю, что мои пальцы, которые еще секунду назад творили прекрасную музыку, сейчас судорожно сжаты, а внутри черепа нарастает липкий, холодный ужас. Красота исчезла. Остался только этот багровый, перевернутый мир, от которого пахнет железом и концом. Я слышу звонкий детский крик.

Внезапная вспышка пламени.

Я открываю глаза, резко сев на кровати и ловлю ртом воздух, пытаюсь успокоиться и подавить тошнотворные позывы. В секунду переключаюсь на ощущения вокруг себя — это помогает. Каждый раз.

По стенам старого дома проходит движение, далекое, глухое, почти неощутимое. Где-то на первом этаже хлопнула дверь подъезда, и дом отозвался, как живой организм, передавая этот толчок по проводам и трубам на пятый этаж, в мою комнату, в мою кровать, в мои пальцы. Чувствую, как мир вибрирует вокруг, дышит, живет.

Потом я чувствую привычный ураган.

Я узнаю его по походке.

Марк никогда не ходит — он носится, летает, врезается в углы. Пол под ним дрожит с такой интенсивностью, будто по квартире бежит небольшое стадо. Сначала спальня — вибрация через стену, значит, встал. Потом затишье. Потом резкий толчок — споткнулся. Потом серия мелких стуков — что-то ищет в комод. Потом грохот, от которого моя дверь отзывается низким гудением, как огромный барабан.

Я падаю обратно на кровать, чувствуя, как постепенно выравнивается пульс и смотрю в потолок. Белый, ровный, в полосках утреннего солнца. Пылинки танцуют в световых лучах свой бесконечный танец, и я позволяю себе минуту просто лежать, наблюдая за этим балетом, протянув руку перед собой.

Где-то на кухне сейчас творится апокалипсис, судя по интенсивности вибраций, и я улыбаюсь своим мыслям. Марк — это единственный человек, которого я знаю, который способен устроить катастрофу в пустой комнате, просто войдя в нее.

Я снова сажусь на кровати, чувствуя, как матрас медленно возвращает первоначальную форму.

Коридор встречает прохладой и запахами — Марк уже открывал холодильник, этот запах вчерашней еды плывет из кухни, смешиваясь с ароматом травяного чая из кружки соседа. Я иду босиком, чувствуя ступнями каждый стык ламината, каждую микроскопическую неровность, оставшуюся от прошлых жильцов и наших многочисленных перестановок.

На кухне меня встречает привычный хаос.

Марк стоит посреди этого хаоса в трусах и в одном носке, смотря на плиту с выражением лица, которое бывает у сапера, обезвреживающего мину. На плите стоит сковородка, брызги масла летят во все стороны, и я буквально чувствую, как они оседают на стенах, на полу, на Марке — на всём, что находится в радиусе поражения. Рядом со сковородкой — гора продуктов: яйца, бекон, помидоры, сыр, зелень, полбатона белого хлеба, банка фасоли, йогурт и почему-то, огурец.

Марк оборачивается, видит меня и расплывается в улыбке. Он освобождает руки и показывает:

«— Завтрак будет через пять минут. Садись».

Я подхожу к кофемашине, по пути задевая взглядом разбросанные вещи — джинсы на спинке стула, рубашка на подоконнике, второй носок на батарее. Кофемашинка оживает под

моими пальцами, выпуская тонкую струю черного напитка, и я вбираю носом этот запах — горький, насыщенный, утренний. Пар поднимается к лицу, оседая влагой на кончике носа.

Я сажусь за стол и наблюдаю за Марком. Он работает сразу на нескольких фронтах: левой рукой переворачивает бекон, кладёт лопатку и начинает резать помидор прямо над сковородой, между щекой и плечом придерживает телефон, и одновременно пытается ногой закрыть дверцу холодильника, которую сам же и открыл пять минут назад. Я смотрю на это и чувствую, как улыбка растягивает губы.

Марк замечает мой взгляд, бросает нож и начинает жестикулировать, не прекращая следить за сковородкой.

— Что ты лыбишься? — Спрашивают его губы. — Я тут стараюсь, между прочим. Решил, что в пятницу надо начинать день с нормальной еды, а не с твоей овсянки на воде.

Я ставлю чашку на стол и отвечаю жестами:

«— Ты решил устроить взрыв на кухне. Я просто жду, когда придет МЧС».

Марк показывает мне средний палец, но продолжает улыбаться.

Я делаю глоток кофе и смотрю в окно. Наш двор-колодец просыпается медленно, нехотя. В окне напротив женщина поливает цветы, на два этажа ниже кто-то выбивает ковер — я вижу ритмичные взмахи рук и представляю, как звук этого хлопанья разносится по двору, отражается от стен, складывается в запомнившуюся с детства музыку утра. Я не слышу этой музыки, но я ее вижу — в движениях, в ритме, в том, как воробьи срываются с карниза и улетают прочь.

Марк ставит передо мной тарелку. На ней — произведение абстрактного искусства. Яичница заплыла за края, перемешалась с беконом и помидорами, сыр расплавился неровными островками, зелень щедро рассыпана сверху, будто Марк пытался замаскировать последствия кулинарного бедствия. Но пахнет так, что у меня сводит скулы.

Я поднимаю глаза на Марка. Он стоит, оперев руки в бока, и смотрит выжидающе. Потом показывает: «—Ну?»

Я показываю большой палец и добавляю:

«— Выглядит как после бомбежки. Но пахнет божественно».

Марк довольно кивает, садится напротив со своей тарелкой и огромной кружкой чая, в которой плавают два пакетика — я вижу, как коричневые ниточки свисают с края, как пар поднимается над кружкой, закручиваясь спиралью.

Мы едим. Точнее, едим мы оба, но Марк еще и говорит. Он всегда говорит во время еды, это его суперспособность — жевать и одновременно строчить языком, не переставая. Я смотрю на его лицо, читая по губам и одновременно наслаждаясь едой.

— Короче, я вчера дописал ту статью, про которую тебе рассказывал, про коррупцию в стройкомплексе. Там такое, Фил, такие схемы вскрылись, я сам офигел, когда разобрался. Мне главредатор сказал, что это может быть материал номера на первой полосе, представляешь? На первой! Я, конечно, всегда знал, что я гений, но чтобы так...

Я жую и киваю в нужных местах. Я уже привык за вочемь лет читать его речь прямо с губ, даже когда он говорит быстро, даже когда перескакивает с темы на тему, даже когда жует. Марк единственный, кто не пытается говорить со мной медленно и неестественно, как с больным. Он просто говорит — так же, как со всеми, — а я читаю. И это нормально.

— А эта... идиотка, Евгения Малиновна, из отдела рекламы, — продолжает Марк, смешно кривляя лицо, — опять написала вчера в полночь, что ей нужны правки. В полночь, Карл! Я ей ответил, что сплю, а она обиделась. Представляешь? Человек работает в режиме 24/7 и думает, что все такие же психи.

Я проглатываю кусок и показываю жестами:

«— Ты ей ответил. Значит, не спал. Кто еще идиот?»

Я пожимаю плечами с невинным видом.

Марк смотрит на мои руки, усмехается и показывает в ответ:

«— Я писал статью. Это другое. А она хотела, чтобы я бросил гениальный текст ради ее дурацких правок».

Я смеюсь — беззвучно, как всегда, просто трясутся плечи.

«— И почему Малиновна?»

«— Потому что я так сказал. И потому что она закармила всю редакцию малиной. В ближайшние полгода я не хочу видеть ни одной ягоды в нашем доме!»

Мы сидим так еще минут десять. Марк болтает, я читаю по губам и отвечаю жестами, когда нужно что-то сказать. Наш завтрак — это всегда такой дуэт: его голос, которого я не слышу, и мои руки, которые говорят вместо меня.

Потом Марк смотрит на часы, округляет глаза и подсакивает, едва не опрокинув стул.

— Блин, опаздываю! У меня же летучка в девять, а мне еще через весь город пилить!

Он хватает со стула джинсы, быстро натягивает, прыгая на одной ноге, одновременно пытаясь засунуть телефон в карман и надеть второй носок. Рубашка летит через голову, пуговица путается в кудрявых каштановых волосах до плеч, Марк ругается — я вижу это по губам. Ругается он виртуозно — и наконец вырывается из оков ткани.

Я сижу и смотрю на это представление, не хуже мистера Бина, допивая кофе. Марк обувается в кеды в прихожей, хватая рюкзак, потом забегает обратно на кухню и быстро показывает жестами:

«— Сегодня буду поздно. Если что, пиши. И посуду за собой оставь, я вечером помою, честно».

Я показываю:

«— Врешь».

Марк ухмыляется, подмигивает и исчезает в коридоре. Через секунду хлопает дверь — я чувствую этот хлопок спиной, вибрация проходит сквозь стены, сквозь пол, сквозь меня, и затихает.

Я остаюсь один.

Тишина. Но для меня это слово ничего не значит. Для меня есть покой — состояние, когда мир перестает дрожать от чужого движения, когда вибрации становятся ровными, глубокими, как дыхание спящего великана. Дом дышит. Я чувствую это каждой клеткой — гул где-то в трубах, легкое дрожание холодильника.

Я допиваю кофе, мою посуду — свою и Марка, потому что знаю, что он «помоет вечером» только если я напому раз двадцать, — вытираю стол, складываю разбросанные вещи на стул, чтобы не валялись где попало. Порядок должен быть, даже если ты парень. Особенно если ты парень, но живешь с человеком, который способен устроить торнадо из ничего. А может это просто процесс хоть какого-то контроля в моей жизни.

Я иду в душ, и вода обнимает меня теплом. Я люблю это чувство — когда струи бегут по лицу, по плечам, по спине, смывая остатки сна. Пар застилает зеркало и прозрачные двери, капли собираются в ручейки и убегают в слив, унося с собой все лишнее. Я закрываю глаза и просто стою под водой, чувствуя, как расслабляются мышцы, как уходят мысли, как тело становится легким и пустым.

Из душа я выхожу уже собранный. В моей комнате все на своих местах — книги на полке, одежда стопками в шкафу, ноутбук на столе и тетрадь, которую я не открывал уже пару недель. Я выбираю широкие, темные джинсы, простую, белую футболку, сверху легкий худи оверсайз угольного цвета — в метро дует, а я не люблю, когда холод касается шеи сзади. Перед зеркалом задерживаюсь на минуту, разглядывая свое лицо. Зеленые глаза, черные корни волос. Поправляю вечно падающую белую челку на лоб, которая едва скрывает старый шрам на лбу, переходящий на висок. Легкая небритость, серьга-кольцо в ухе. Обычное лицо. Но девушки почему-то клеятся как банные листы.

Марк говорит, дело во взгляде. Что я смотрю на людей как-то особенно — внимательно, глубоко, будто вижу их насквозь. А я просто читаю по губам. Чтобы понять человека, нужно

смотреть ему в лицо, в глаза, в рот. Нужно видеть каждое движение, каждый микро-мускул. Так я научился с детства, когда понял, что мир звуков для меня теперь закрыт, но мир лиц открылся под новым углом. И это даже интереснее. Люди говорят одно, а лица показывают другое. Я вижу это каждый день. Могу с уверенностью сообщить, что сериал «Теория Лжи» — не бред сумасшедшего.

Я беру телефон, проверяю рабочий чат. Там уже кипит жизнь — кто-то просит помощи, кто-то кидает мемы, кто-то ругается на заказчика. Я пролистываю, запоминая важное, и убираю телефон в карман.

Натягиваю кеды и джинсовую куртку, бросаю на плечо рюкзак и выхожу из квартиры, чувствуя, как замок защелкивается с мягким толчком, отдающим в ладонь. Лифт пахнет чужими жизнями — борщом, духами, кофе. Я прислоняюсь к стене спиной и смотрю сквозь решетку. Четвертый, третий, второй...

Улица встречает солнцем и ветром. Апрель только начался, но уже тепло. Воздух уже другой — прозрачный, острый, пахнущий уходящей зимой и приближающимся летом. Я люблю это время — полное ощущений нового начала. Город просыпается нехотя, но потом набирает темп, и к девяти утра уже гудит, как растревоженный улей.

Я иду к метро, лавируя между прохожими, и смотрю на них, изучая жизни. Женщина с телефоном у уха — говорит быстро, раздраженно, брови сведены к переносице. Мужчина с собакой — пес тянет поводок, а он упирается, и между ними происходит безмолвная борьба, которую я вижу в каждом напряженном мускуле. Девушка в наушниках — она улыбается своим мыслям и плывет по тротуару, не замечая никого, и я думаю: интересно, какую музыку она слушает? Какие голоса звучат в ее голове?

Я слышал музыку очень давно. Это почти забытый звук, но я чувствую ее. Марк иногда ставит колонки на пол, и я ложусь рядом, прижимаясь ухом к дереву, и чувствую вибрацию. Так мы слушаем его любимый рок, и классику, и даже оперу, которую я не понимаю, но чувствую кожей. У каждой музыки свой ритм, своя глубина, своя температура. Бас-гитара греет живот, скрипка вибрирует где-то в груди, фортепиано рассыпается по позвоночнику мелкими искрами и вызывает во мне особый трепет.

В метро я встаю у двери, как всегда. Спиной к стеклу, лицом к вагону. Так я вижу всех, кто входит и выходит, читаю их лица, их разговоры, их жизнь. Напротив сидит компания студентов — они галдят, размахивают руками, смеются. Я читаю их разговор — кто-то рассказывает про вчерашнюю вечеринку, кто-то показывает фото в телефоне, девушка с розовыми волосами спорит с парнем в очках. Обычное утро, обычные люди. Совсем недавно я тоже был в похожей компании.

Я достаю телефон и захожу в рабочий чат. Там уже прилетело сообщение от Дэна, нашего бэкендера:

«Фил, привет, когда будешь на месте? Там по базе вопрос, посмотришь?»

Я печатаю:

«Через сорок минут. Что за вопрос?» Дэн отвечает сразу — скриншот ошибки и пару строк объяснения. Я смотрю, анализирую, пишу:

«Проверь индексы в таблице логов, скорее всего там перекос».

Дэн ставит лайк. Рабочий процесс не останавливается даже в метро.

Выхожу на своей станции, поднимаюсь по эскалатору.

Офис встречает яркими лампами и запахом кофе. Я прохожу через турникет, киваю охраннику — сегодня новенький, я его не знаю, но он кивает в ответ — и иду к лифтам. В лифте едет женщина из бухгалтерии, она улыбается и говорит что-то про погоду, я показываю большой палец и улыбаюсь. Она выходит на пятом, я еду дальше.

Восьмой этаж. Опен-спейс, мониторы, задумчивые лица. Я иду к своему столу в углу, у окна. Коллеги машут, я киваю в ответ. Сажусь, включаю компьютер и смотрю в окно, пока система загружается.

Город внизу живет своей жизнью. Машины ползут по набережной, люди бегут по переходам, река блестит на горизонте. Я думаю о том, как странно устроен мир — там, внизу, кипят страсти, звучат голоса, льется музыка, а я здесь, за стеклом, наблюдаю за этим, как за фильмом без звука.

На экране загорается рабочий стол, и я ныряю в код. Сегодня надо доделать интеграцию с банковским API, клиент нервный, сроки поджимают. Я люблю горящие сроки — они заставляют мозг работать быстрее, четче, без лишних мыслей. Только я и коды. Только задача и решение.

Через час ко мне подходит Дэн. Он садится на край стола и смотрит на меня, потом показывает на телефон. Я киваю, открываю рабочий чат и вижу:

«Фил, я проверил индексы, ты был прав, перекос на 30 процентов. Перелил, теперь норм. Спасибо».

Я печатаю:

«Ок. Если что еще — обращайся».

Дэн читает с моего телефона, улыбается, хлопает меня по плечу и уходит. Я возвращаюсь к работе.

До обеда я успеваю дописать два блока, запустить тесты и получить три ошибки, которые надо править. Фиксирую их в трекере и иду в столовую. В очереди стою, разглядывая еду за стеклом, и вдруг чувствую свербение в затылке — кто-то смотрит на меня. Я поворачиваю голову и вижу девушку. Светлые волосы, карие глаза, веснушки на носу.

Новая тестировщица. Энн, кажется.

Она улыбается и подходит ближе. В руках у нее телефон, она что-то печатает, и через секунду мой телефон вибрирует. Я достаю его и читаю в рабочем чате — она нашла меня в списке сотрудников и написала лично: «Привет! Мы вчера виделись, ты помог мне с багом. Я Энн. Ты Филипп, да?»

Я поднимаю глаза на нее. Она смотрит выжидающе, чуть склонив голову. Я печатаю ответ:

«Да. Привет. Баг починили?»

Энн читает, улыбается ярче и снова печатает:

«Да, ребята помогли, спасибо. Ты тут всегда обедаешь? Может, подскажешь, что здесь нормальное, а что лучше не брать? Я первый раз в этой столовой, боюсь отравиться».

Я смотрю на нее, на ее веснушки, на улыбку — приятная и добрая девушка. Потом печатаю:

«Гречка с котлетой безопасно. Рыбу не бери. Садись со мной, если хочешь».

Она читает, кивает и показывает большой палец.

Мы берем еду и садимся за столик. Энн говорит — я читаю по губам, потому что так быстрее, чем печатать каждую фразу. Она рассказывает, что переехала в Питер два месяца назад, что здесь никого не знает, что работа ей нравится, но коллектив пока пугает. Я слушаю, киваю, иногда печатаю на телефоне.

Потом она замечает, как я смотрю на ее губы, и вдруг замирает. В ее глазах мелькает понимание. Она достает телефон и печатает: «Прости, надеюсь ты всё понял что я сказала?»

Я киваю.

Она улыбается и склоняет голову как будто в реверансе, жестикулируя рукой — неумело, смешно:

«Спасибо за компанию».

Я смеюсь — беззвучно, но она видит, как трясутся мои плечи, и смеется тоже, вслух, запрокидывая голову.

До вечера я погружаюсь в работу с головой. Исправляю ошибки, которые наловили тесты, пишу новый код для интеграции, пару раз переписываюсь в чате с Дэном. Энн я больше не вижу — наверное, сидит где-то в другом конце опен-спейса, и это даже к лучшему. Не хватало еще отвлекаться.

Где-то в половине шестого, когда глаза уже начинают слезиться от монитора, а кофе в крови достигает критической концентрации, телефон на столе оживает вибрацией. Сообщение от Марка.

Я беру телефон, откидываюсь на спинку кресла и начинаю читать.

«Фил, привет! Ты еще на работе?».

Следом еще одно сообщение:

«Глупый вопрос, ты всегда на работе. Короче, ситуация экстренная. Помнишь, я утром рассказывал про статью про коррупцию? Там такое дело: есть свидетель. Она работает в том самом стройкомплексе помощником юриста, у нее на руках документы, которые все подтверждают. Она согласилась поговорить, но сегодня ночью у нее самолет — она улетает в отпуск на две недели. А я застрял на летучке у главного, которая, видимо, закончится не скоро, потому что у нас опять аврал и сокращение штата намечается. Я не могу вырваться никак. Фил, выручай! Встреться с ней вместо меня. Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!»

Я вздыхаю и печатаю ответ:

«Марк. Я не журналист. Я вообще-то айтишник. И я глухой».

Ответ прилетает мгновенно:

«Ты читаешь по губам лучше, чем я слышу своими ушами. Фил, ты справишься! Она классная девчонка, мы с ней списались, она знает, что приду не я, а мой друг с особенностями слуха. Она согласна, я ей все объяснил».

Я смотрю в потолок. Офис гудит ровным рабочим гулом, который я чувствую кожей — вибрация от кондиционеров, от серверов в соседней комнате, от шагов по бетонному полу. Марк, конечно, не отстанет. Он умеет быть убедительным. Особенно когда речь идет о его расследованиях.

«Почему именно я? Попроси какого-нибудь коллегу» — печатаю я, хотя уже знаю ответ.

«Потому что ты единственный, кому я доверяю. Фил, ты мой камень, ты моя скала, ты мой бро. Ты не сольешь информацию, не напугаешь свидетеля и сделаешь все четко. Пожалуйста, я тебя очень прошу. Это очень важно для меня. Если эта статья выстрелит, меня могут повысить до спецкора, представляешь?»

Я представляю. И представляю, как Марк будет потом ныть, если я откажусь. И представляю его благодарный ужин — он реально умеет готовить, когда хочет, а не когда устраивает апокалипсис на кухне.

«Ладно подхалим. Где и когда?»

Марк присылает адрес кафе на Некрасова, время — через полтора часа, и следом летит еще одно сообщение:

«Я скину список вопросов в следующем сообщении. Ты просто покажи их ей и включи диктофон, хорошо? И потом скинь мне файл. Ты только запиши, а остальное я сам».

Я листаю дальше и вижу длинный список пунктов. Вопросы про документы, про схемы, про фамилии, про даты. Марк подготовился основательно.

«Герда Мун. Серьезно? Такое имя бывает?» — печатаю я.

«Бывает, я проверил. Она прислала паспорт для верификации, настоящее имя. Папа из Норвегии, мама русская. Короче, норвежско-славянская смесь. Боевая такая девчонка. Ты ей понравишься, вы поладите».

«Я ей не должен нравиться. Я просто беру интервью».

«Ты всегда нравишься девушкам, Фил, сам знаешь. Со своим рентгеновским взглядом. И вообще, одно другому не мешает».

Я закатываю глаза. Марк в своем репертуаре.

«Я пошел. С тебя ужин».

«Самый лучший ужин, Фил! Честно-честно! Я куплю продукты на рынке, и приготовлю лазанью, как ты любишь, с мясом и сыром. Много сыра!»

Я усмехаюсь и убираю телефон в карман, выключаю компьютер и собираю вещи. Дэн провожает меня удивленным взглядом — я обычно сижу до упора, до самого закрытия офиса. Но сегодня планы поменялись.

Я выхожу на улицу, и вечерний Питер встречает меня прохладой и запахом влажного асфальта. То ли дождь прошел, пока я сидел в офисе, то ли просто Нева дышит сыростью. Я набираю в легкие воздуха и иду к метро.

В вагоне достаю телефон и еще раз перечитываю вопросы Марка. Они довольно конкретные — «Когда вы впервые заметили несоответствия в документах?», «Кто из руководства, по вашему мнению, замешан в схеме?», «Есть ли у вас копии документов, которые могут подтвердить махинации?».

Я мысленно репетирую, как буду показывать их Герде.

Выхожу на Маяковской и иду пешком. Некрасова — это центр, красивые старые дома, узкие тротуары, дорогие машины у обочин.

Кафе, которое указал Марк, оказывается маленьким заведением с большими окнами и вывеской на английском. Я захожу внутрь и оглядываюсь.

В кафе тепло и пахнет корицей. За столиками сидят парочки и какие-то люди с макбуками. Я ищу глазами девушку, которая могла бы быть Гердой и, по всей видимости, нахожу ее.

Глава 2

Филипп

Она сидит за дальним столиком у стены и смотрит в телефон. Темно-каштановые волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбиваются светлые пряди. На плечи накинут вязаный кардиган фиолетового цвета, а перед ней стоит чашка с чем-то горячим. Она начинает оглядываться и находит меня, смотрит, как будто оценивающе и поднимает руку, приглашая подойти.

Я подхожу и сажусь напротив. Она смотрит на меня внимательно, чуть склонив голову, и я читаю по губам:

— Ты Филипп? Марк сказал искать блондина в джинсовке и кедах. Я Герда.

Я киваю и достаю телефон, открываю новую заметку. Печатаю:

«Да, это я. Приятно познакомиться. Марк просил взять интервью. Он очень извиняется, что не смог прийти сам».

Протягиваю ей телефон. Она читает и сдержанно кивает. Берет из моих рук телефон и печатает ответ:

«Ничего страшного. Работа есть работа. Я заказала тебе кофе, надеюсь, ты пьешь американо? Марк сказал, что пьешь».

Беру телефон и удивленно поднимаю брови. Марк успел и это рассказать? Вот жук-сводник.

Я киваю и показываю большой палец. Герда показывает в ответ два больших пальца. Потом подзывает официантку жестом и показывает на пустое место передо мной. Та понимающе кивает и уходит.

Мы сидим молча. Точнее, мы не молчим — мы смотрим друг на друга, а для меня это молчание как обычный диалог для других. Я слишком откровенно разглядываю ее, но не могу, почему-то, остановиться. Это выше моих сил. А она просто смотрит в глаза и ждет, когда я напишу следующее сообщение, казалось бы, нисколько не смущаясь. Удивительно.

Я печатаю:

«Ты готова начать? У меня есть список вопросов от Марка. Может, сфотографируешь на свой телефон? И можешь отвечать вслух — я прочитаю по губам и включу диктофон».

Она читает, потом кивает, достает свой телефон, фоткает и говорит вслух, четко артикулируя:

— Отличный план. Я все-таки буду говорить медленней, чтоб ты тоже все понял.

Я смотрю на ее губы и понимаю, что это даже приятно — когда кто-то старается для тебя. Обычно я читаю речь, быструю, смазанную, а тут Герда говорит чуть четче, чем требуется.

Я включаю диктофон на телефоне, кладу его на стол экраном вверх.

Она читает сфотографированные вопросы, кивает и начинает говорить. Я смотрю на ее лицо, на то, как двигаются губы, как меняется выражение глаз, когда она рассказывает про документы, про странные переводы, про фамилии, которые мелькают в отчетах. Я почти забываю, что не обязан вникать — мне интересно слушать ее глазами.

Потрясающая мимика и как будто сдержанная, но намерено. Занятно. — Подумал я и запомнил каждое ее слово.

Мы проходим все вопросы один за другим. Герда отвечает подробно, иногда жестикулирует, иногда закатывает глаза, когда речь заходит о начальстве. Я киваю, закрывая полуулыбку за ладонью и тыкаю пальцем на следующий вопрос. Кофе приносят, но я забываю про него.

Когда вопросы заканчиваются, Герда откидывается на спинку стула и выдыхает. Я выключаю диктофон и она тут же выхватывает мой телефон (хотя у нее в руках свой. Забавно) и печатает:

«Я все сказала. Надеюсь, Марку этого хватит. Документы я ему уже скинула на почту».

Я киваю и печатаю ответ:

«Спасибо тебе большое. Ты очень помогла. Марк будет прыгать от счастья».

Она читает и вдруг показывает жеста́ми — неумело, но старательно:

«— *Пожалуйста. Ты хороший друг*».

Я смотрю на ее красивые, тонкие пальчики с аккуратным маникюром и чувствую, как в груди разливается тепло. Потом печатаю в ответ:

«Спасибо. Откуда ты знаешь язык жестов?»

«Пока ждала тебя, кое-что подсмотрела в гугле».

Я делаю удивленное лицо.

Герда не смеется — я вижу, как она прячет улыбку за чашкой, хотя кофе уже выпит.

Почему она сдерживает свои эмоции?

Мы сидим еще минут десять. Просто смотрим друг на друга и печатаем всякую ерунду — про Питер, про то, что в Норвегии сейчас должно быть, прохладно (оказалось, что она летит в отпуск именно туда — повидать отца). Потом Герда смотрит на часы и округляет глаза.

Первая яркая эмоция. Красиво.

— Мне пора собираться, — говорит она вкрадчиво. — Самолёт не будет ждать.

Я киваю. Мы встаем, и у выхода из кафе она вдруг останавливается и смотрит на меня.

Потом говорит — медленно, чтобы я понял:

— Было приятно познакомиться, Филипп.

Я печатаю ответ:

«Хорошего отпуска, Герда».

Наконец-то она улыбается на прощание лучезарной улыбкой... и исчезает в вечерней толпе. Я стою еще минуты три, смотря в сторону убежавшей девушки, а потом снова подношу телефон к лицу и вижу новое сообщение от Марка:

«Ну как?»

Я печатаю:

«Все сделал. Запись скину. И Марк...»

«Что?»

«Она красивая. С тебя две лазаньи».

«Ооо!»

Я улыбаюсь как идиот, толкая дверь кафе и иду в сторону Невы. Сам не знаю почему — просто ноги несут меня к воде, как всегда, когда нужно проветрить голову и разложить мысли по полочкам.

Вечер уже опустился на город, мягкий, апрельский, уже не холодный, но еще и не теплый — какой-то зыбкий, переходный. Фонари зажглись не везде, и тени прыгают под ногами, то удлиняясь, то исчезая сзади меня. Я иду медленно, позволяя городу говорить со мной на том языке, который я понимаю лучше всяких слов.

Проспект Чернышевского гудит под ногами настойчивой вибрацией — глухой, хаотичной. Тысячи машин, тысячи ног, тысячи жизней пульсируют в асфальте, и мое тело ловит этот пульс, как антенна. Для других это просто дорога, но для меня — это живой организм, который дышит городом.

Я сворачиваю на Воскресенскую набережную, и воздух меняется мгновенно. Вдыхаю его, и легкие наполняются сразу всем: влагой от реки, сыростью старого камня, йодом и водорослями, хотя до моря далеко. А еще, чем-то неуловимым, что бывает только у воды — свободой, что ли. Нева пахнет по-особенному. Не так, как мелкие речки, не так, как Финский залив. У

нее свой запах — глубокий, холодный, чуть сладковатый от гниющих барж и чуть горький от солянки, которую вечно льют в порту.

Я останавливаюсь у парапета и кладу ладони на гранит. Камень еще хранит тепло уходящего дня — совсем чуть-чуть, едва уловимо. Я провожу пальцами по поверхности, чувствуя каждую шероховатость, каждую трещинку, каждый след времени, оставленный ветрами и дождями. Гранит под ладонями вибрирует едва заметно.

Я закрываю глаза.

И мир не исчезает — он становится для меня другим. Таким, каким чувствую только я.

Я чувствую, как ветер касается лица — не сплошным потоком, а отдельными прикосновениями. Вот он гладит щеку, вот забирается под воротник толстовки, вот играет с волосами на затылке и лбу.

Я чувствую город кожей. Иногда далекий гул метро под землей — едва различимая дрожь в подошвах. Шум машин на набережной — вибрация, которая поднимается от асфальта по ногам выше, к позвоночнику. Где-то стучат по металлу — наверное, ремонтируют баржу, ритмичные удары отдаются в груди, как второе сердце.

Я открываю глаза и смотрю на реку.

Нева течет медленно и тяжело, как расплавленный металл. Вода черная, но в ней отражаются огни набережной и Литейного моста, и эти отражения дрожат, распадаются на тысячу осколков и собираются снова. Я вижу каждый блик, каждое движение света. Для меня это не просто картинка — это музыка. Огоньки танцуют на воде в ритме, который я не слышу ушами, но вижу глазами.

Я смотрю на теплоход, который идет вверх по Неве. Он разрезает воду, и я вижу, как расходятся волны — тяжелые, маслянистые.

Рядом со мной останавливается девушка. Она что-то говорит в телефон — я вижу это по движению губ, по тому, как она жестикулирует свободной рукой. Она смеется, потом хмурится, потом снова смеется. Я не вникаю, о чем она говорит, но я вижу ее эмоции — открытое лицо, живые глаза, быстрые движения. Она красивая в этом вечернем свете, и я думаю о том, что мир не обделил меня. Да, я не слышу ее голоса. Но я вижу ее жизнь — прямо здесь, сейчас, в этом мгновении.

Она уходит, и я снова остаюсь один с рекой и своими мыслями.

Я думаю о Герде. О ее синих глазах и о микро-морщинка в уголках глаз, когда она улыбнулась на прощание. О том, как она старательно артикулировала слова, о том, как шевелились ее губы. Интересно, что она сейчас делает? Может, уже в аэропорту, пьет кофе и ждет своего рейса. Может, думает о чем-то своем. Может, вспоминает странного глухого парня, который смотрел на ее губы так внимательно, будто от этого зависела его жизнь.

А может, и не вспоминает. И это естественно. Какая нормальная девушка захочет возиться с таким, как я?

Я снова смотрю на реку. Где-то далеко, на другой стороне, зажигаются окна в домах. Тысячи окон, тысячи жизней. Кто-то ужинает, кто-то ссорится, кто-то любит, кто-то плачет. И я ничего из этого не слышу. Но вижу — очень ясно. Я вижу тепло в окнах, я вижу движение теней, я вижу, как задергивают шторы и как гасят свет.

Для обычного человека город — это шум. Для меня город — это книга, которую я читаю каждый день. Я читаю его по губам улиц, по жестам прохожих, по вибрации мостов. И в этой книге нет ничего лишнего.

Я достаю телефон и смотрю на время. Почти десять. Марк, наверное, уже дома — мечется по кухне в поисках продуктов для обещанной лазаньи. Я улыбаюсь этой мысли и убираю телефон обратно.

Потом поворачиваюсь боком к реке и медленно иду вдоль набережной к Литейному мосту, перехожу на другую сторону реки, а дальше — к метро. Под ногами — гранитные плиты,

каждая со своим рисунком, со своей историей. Я чувствую их холодную поверхность ступнями, даже сквозь тонкую подошву кед.

В метро спускаюсь медленно, считая ступени. В вагоне встаю у двери, лицом к салону, и смотрю на немногочисленных людей. Уставшие лица, закрытые глаза, кто-то читает, кто-то смотрит в телефон. Я вижу их всех. Я вижу их руки, их губы, их микродвижения. Парень напротив что-то шепчет девушке, прильнувшей к его плечу. Я читаю по губам: «Завтра все решится, не переживай». Она улыбается сквозь усталость.

Я отворачиваюсь к стеклу и смотрю на свое отражение. Обычное лицо. Обычный парень. Просто мир для этого парня звучит иначе.

Марк ставит передо мной тарелку с лазаньей, и от запаха у меня буквально подгибаются колени. Горячий сыр, томаты, специи. Показываю ему большой палец: гений.

Он довольно ухмыляется, садится напротив и подцепляет кусок вилок. Я смотрю, как двигаются его губы, когда он жует и говорит одновременно:

— Ешь давай, а я пока кое-что покажу.

Я пробую лазанью и прикрываю глаза от удовольствия. Когда открываю, Марк уже тычет пальцем в ноутбук, который притащил с дивана.

— Смотри, — он разворачивает экран ко мне. — Пока ты там гулял, я решил покопаться. Чисто профессиональный интерес, смекаешь? — С загадочной улыбкой уверяет он.

Я смотрю на экран и не сразу понимаю, кого вижу, а потом до меня доходит, что это Герда. Волосы распущены, светлые пряди струятся вдоль лица, идеальный макияж, шелковая ткань молочного цвета на плечах. Она смотрит в объектив так, будто знает какой-то секрет, которого не знаю я.

Поднимаю бровь, смотрю на Марка.

— Ага, — кивает он. — Не просто модель, а одно из лиц люксовой косметики «Diog».

Он листает дальше. Герда с тюбиком тонального крема. Герда крупным планом и с темно-красными губами. Герда на развороте какого-то журнала, и там написано «Vogue Beauty».

— Видишь? — Марк тычет пальцем в экран. — Не какая-то там реклама в сети, а серьезный глянец. Наша новая знакомая, оказывается, звезда.

Качаю головой. Смотрю на эти фотографии и пытаюсь сопоставить их с той девушкой, которая сидела напротив меня в кафе. С небрежным пучком, из которого выбивались светлые пряди. С вязаным кардиганом, в который она куталась, хотя в зале было тепло. С неумелыми жестами, которые она подсмотрела в гугле, пока ждала меня.

«— Она не говорила об этом». — Показываю на пальцах.

— И как ты себе это представляешь? — Марк жует и одновременно четко проговаривает свою речь. — Представь: «Привет, я Герда, между прочим, меня в Vogue пудликуют, давай знакомиться?». Она, по всей видимости, без звездной болезни. А еще, судя по всему, не особо распространяется о своем «хобби». Я поэтому и копнул — интересно стало.

Киваю. Это правда. Она сидела напротив и не пыталась казаться кем-то другим. Ее мимика и жесты были слишком сдержанными.

«— Ну и как тебе?» — Марк откидывается на стуле и смотрит на меня с интересом.

«— Сюрприз, да? Офисный работник, документы, отчеты, а по выходным — лицо бренда. Или наоборот. Как думаешь, что у нее основное?»

Пожимаю плечами. Потом показываю жестами:

«— Не важно, в кафе она была совсем другой. И слишком сдержанной. А это — просто картинка». — Я показываю в сторону ноутбука, где на меня смотрит пронзительный взгляд синего океана.

Марк смотрит на мои руки, потом на мое лицо. У него на секунду пропадает обычная насмешливость.

— Оу, — говорит он, четко артикулируя. — Так ты уже... смотришь вглубь, да? Сразу суть видишь?

Чувствую, как уши начинают гореть. Отворачиваюсь к тарелке, делаю вид, что очень занят лазаньей.

— Ладно-ладно, — Марк поднимает руки, сдаваясь, но карие глаза — хитрые-прехитрые. — Молчу. Но если что — я только за. Герда — горячая штучка. И судя по интервью, у нее с головой порядок. А это — интригует.

Показываю ему средний палец, но без злости. По-дружески.

— А что? — он делает невинное лицо. — Я объективно. Ты сам сказал: «Она классная». А теперь выясняется, что она еще и фотогеничная до ужаса. Я теперь жалею, что сам интервью не взял.

«— *Я такого не говорил*» — Закатываю глаза и возвращаюсь к еде. Но краем глаза все еще вижу открытый ноутбук. Герда смотрит с экрана — идеальная, холодная, недостижимая. И я снова вспоминаю, как она старательно выводила пальцами «Ты хороший друг» и как у нее смешно наморщился носик, когда она проверяла, правильно ли запомнила жест.

— Я и так все вижу. И кстати, — Марк жует, и я сосредотачиваюсь на его губах. — Я ей написал, что интервью супер, материал отличный. И спросил, долетела ли.

Смотрю на него выжидающе. Стараюсь, чтобы лицо было спокойным, но, кажется, получается плохо.

— И она ответила, — Марк тянет паузу, как истинный актер. — Говорит, все отлично. И передала привет...

Он замолкает, смотрит на меня с прищуром.

Пожимаю плечами, мол, и кому?

— Мне, — говорит Марк с пафосом. — Как официально интервьюеру. — Я закатываю глаза.

— Но вообще-то она спросила, как там тот парень с телефоном, который так внимательно слушал. Это про тебя, если что.

Чувствую, как губы сами растягиваются в хитрой улыбке. Пытаюсь спрятать ее за стаканом с водой.

— Я ответил, — продолжает Марк, — Что парень с телефоном сейчас будет есть мою восхитительную лазанью и делать вид, что ему все равно. Но на самом деле ему очень даже не все равно. Надеюсь, я не ошибся?

Я молчу. Смотрю в тарелку, потом на свои руки, потом снова на Марка. Медленно жестикулирую:

«— *Ты не ошибся. Мне не все равно. Но такой как я — не для нее*».

Марк читает мои жесты, и его лицо меняется. Он становится серьезным — таким я вижу его редко.

— Слушай, — говорит он медленно, четко, чтобы я точно прочитал. — Ты сейчас за неё решил, что ей нужно, а что нет? А она, между прочим, сама спросила про тебя. Не про интервью, не про работу а про тебя.

Смотрю на него. Не знаю, что ответить.

— Она подсмотрела язык жестов по гуглу, пока ждала тебя, — продолжает Марк. — Для незнакомого парня, которого первый раз увидит. Спросила какой кофе ты любишь. Говорила медленно, специально для тебя. А теперь спрашивает про тебя.

Он крутит пальцем у виска. Я хмурюсь.

— Не знаю, может, я слишком наивный романтик, но это на что-то похоже.

Отворачиваюсь к окну. За стеклом — ночной город, огни, где-то там течет Нева, черная и тяжелая. Я думаю о её глазах. О том, как она улыбалась на прощание.

«— *Когда она прилетает?*»

Марк улыбается — довольно, широко, как кот, который добрался до сметаны.

— В субботу, через две недели, — говорит он. — А что? Идеи есть?

Допиваю воду, встаю, начинаю собирать тарелки. Марк смотрит на меня, и я вижу, как шевелятся его губы — он бормочет что-то себе под нос, достаточно четко, чтобы я понял:

— Ооо! Я пойду, пожалуй, попкорн куплю, интересно, чем этот сериал закончится?

Делаю вид, что не заметил, но прятать улыбку уже нет никакого смысла.

Глава 3

Герда

Сидя в такси, я открываю гугл на телефоне и набираю в поиске: «язык жестов, как будет «спасибо»?». Смотрю короткое видео, повторяю движение: рука к губам, вниз, вбок. Потом закрываю вкладку, краснея, словно меня застукали за чем-то неприличным.

Следующие пятнадцать минут пытаюсь убедить себя, что это просто вежливость. Мало ли, вдруг в Норвегии я встречу глухих людей (ага, конечно). Вдруг мне понадобится сказать «извините» или «где здесь туалет». Чушь. Я еду в горы, а не на конгресс сурдопереводчиков.

Но палец уже снова набирает новый запрос: «как на жестовом языке будет «гора»?»

Вздыхаю и бросаю телефон в сумку. Хватит.

После встречи с Филиппом, я приехала домой на Васильевский, схватила заранее собранный чемодан, проверила, на месте ли паспорт, и вызвала такси до Пулково.

В голове все еще крутится кафе на набережной, его внимательный взгляд, то, как он смотрел на мои губы, когда я говорила.

Той встречи не должно было случиться. Марк, журналист, позвонил за день до этого и взмолился: «Герда Мун, это Марк Лютеров. Я собираю материал по делу о коррупции в компании, в которой Вы работаете. Вы можете выступить как свидетель?». Я согласилась — работала я там недолго и особо ни с кем не подружилась. Да и начальник был полным козлом, который каждый божий день заставлял думать о смене работы. Вот и повод нашелся. Почему я там работала? Отличный вопрос.

Хорошо платили и не задавали лишних вопросов.

За полтора часа до назначенной встречи, Марк написал, извинился за то, что не сможет прийти, но вместо него придет его глухой лучший друг, Филипп Орловский. Я думала, что встреча будет супер скучной (с ним не поговоришь же нормально), и придет какой-нибудь забитый ботаник (стереотипы — хуже болезни).

А пришел он. Нет, он буквально приплыл. Знаете, есть такое выражение в актерстве — «чары присутствия» (это я подсмотрела у одного актера в соцсети). Вообще, по классике, этими чарами пользуются короли, боги или лидеры. Они почти ничего не делают, но пространство принадлежит им, так сказать, на автомате.

А есть те, которые, не имеют какого-то высокого статуса в обществе, но создают впечатления силы и власти. Филипп как раз из тех людей. Вопрос лишь один — играет или всегда такой?

Я сидела за дальним столиком у стены, просматривая результаты поиска в гугле, когда дверь кафе открылась. Вошел высокий, под метр девяносто блондин. Весь в черном — в модной джинсовке и слегка потертых кедах и широких джинсах. Он остановился на пороге, оглядывая зал. И когда его взгляд наткнулся на меня, я на секунду забыла, как дышать. Он смотрел не так, как смотрят обычно. Не оценивающе, не скользко. Он смотрел так, будто видел меня целиком — сразу всю.

А потом он подошел, сел напротив и я разглядела его светло-зеленые глаза и побелевший шрам на лбу, спускающийся на висок. Он достал телефон. И последующий час-полтора мы говорили — через экран, через привычные жесты, через взгляды. И это было... странно. Не так, как обычно. Я вела себя сдержанно, как привыкла, как умела лучше всего, но в конце дала слабину и это меня удивило.

Возвращаясь к моим сборам, машина приехала через пятнадцать минут. Я села на заднее сиденье и смотрела в окно на ночной Петербург, на освещенные мосты, на пустые набережные.

Мы заезжаем на ЗСД и мчим над Корабельным фарватером и далее — территория Пулково-3 — отдельный терминал для бизнес-авиации. Здесь все иначе: нет очередей, нет толп, нет этой привычной аэропортной суматохи. Отдельный вход, персональная встреча.

Я всегда чувствую себя неловко в таких ситуациях. Всю сознательную жизнь я зарабатывала сама: съемная квартира на Новосмоленской набережной, метро, съемки. Я сама плачу за свою жизнь и горжусь этим. Но до Норвегии с пересадками лететь долго, а отец настоял. Сказал: «Герда, это просто самолет. Не начинай. И потом, так быстрее — без пересадок долетишь за пару часов. Не лишай старика лишних часов с дочкой».

Я сдалась. Но буду честной, побыть принцессой — приятно.

Маленький бизнес-джет с эмблемой финансовой компании отца, ждет на летном поле. Стюардесса приносит кофе и сэндвичи, улыбается слишком приторно — хоть что-то привычное. Я сижу в мягком кожаном кресле, смотрю в иллюминатор на взлетную полосу и понимаю, что не могу выкинуть из головы его лицо.

Самолёт взлетает, Петербург остается где-то далеко внизу.

Всю дорогу до Норвегии я пытаюсь читать новый роман с нотами детектива, но строчки расплываются. Мысли сами возвращаются к отцу, к маме, к тому, как я оказалась здесь, в этом кресле, в этом самолете.

Мамы не стало, когда мне было шестнадцать. Ей было всего сорок пять, когда врачи сказали, что время пошло на месяцы. Полгода больниц, химий, попыток зацепиться за жизнь, а потом — пустота.

Я переехала в съемную квартиру, как только стала совершеннолетней. Я подрабатывала в кафе, параллельно учась в Петербургском университете на факультете иностранных языков. За часть обучения платила я, за вторую — папа (мои попытки отнекиваться тогда заканчивались провалом. Это сейчас я могу настоять на своем). Он держался как мог. Папа жил один в нашей старой квартире, пытался работать, пытался дышать. Мы поддерживали друг друга как могли. А потом он встретил Ингрид. Она приезжала в Петербург в командировку, он переводил ей встречу с партнерами (она знала русский, но поверхностно). Через год они поженились, и он переехал в Норвегию.

Это было два года назад. С тех пор мы виделись только по видеосвязи.

Он предлагал мне поехать с ним. Уговаривал. Даже особняк присматривал такой, чтобы и мне место было. Я не смогла. Тогда это чувствовалось как предательство. Уехать из города, где мама водила меня в Эрмитаж, где мы гуляли по набережной, где каждая скамейка в Летнем саду помнила её улыбку. Бросить всё это — значило бросить её. Пусть даже её уже нет.

К тому же я люблю Петербург. Люблю этот серый свет, разводные мосты, крыши, императорскую архитектуру. Люблю свою маленькую квартирку-студию на Васильевском. Иногда люблю свою работу помощника юриста (видимо уже бывшую), обожаю съемки в Diог. Сейчас уже поздно переезжать к папе под крылышко.

Отец встретил меня прямо у трапа. Норвежское, очень раннее утро ощущалось холодным ветром и запахом моря. Он ждал на летном поле, ветер трепал его седые волосы, и на секунду я увидела в нём того мужчину, который строил самодельные шатры из одеял и стульев в нашей питерской квартире. Он обнял меня крепко, но как-то неуклюже, будто я все еще хрупкая ваза.

— Герда, ты похудела, — это его коронное приветствие.

— Я в порядке, пап. Как ты?

Он рассмеялся:

— Все отлично. Я так соскучился! Поехали, Ингрид завтрак приготовила.

Дорога от аэропорта заняла около трех часов. Мы ехали на юго-запад, туда, где расположен Хардангер-фьорд — один из самых известных фьордов Норвегии. Я смотрела в окно и не

могла оторваться. Дорога вилась вдоль воды, ныряла в тоннели, пробитые прямо в скалах, и каждый раз, когда машина выныривала наружу, открывались такие виды, что перехватывало дыхание и бежали мурашки.

Вода здесь была иного цвета, чем в Петербурге. Не черная, не серая — зелено-голубая, ледниковая. Вдоль берегов росли фруктовые сады — Ингрид потом расскажет, что весной, когда цветут яблони, сюда съезжаются туристы со всего мира. А над всем этим поднимались горы — огромные, древние, с шапками снега на вершинах, хотя внизу зеленела трава.

— Это Хардангер, — сказал отец, когда мы въехали на длинный мост. — Здесь мы живем. Второй по длине фьорд в Норвегии, между прочим.

Я смотрела на воду, на горы, на маленькие домики, разбросанные по склонам, и не могла поверить, что такая красота существует на самом деле.

Их дом оказался норвежским особняком, поделенным на два дома — двухэтажные строения с просторными террасами словно парят над водой, гармонично вписываясь в пейзаж. Сочные оттенки фасадов контрастируют с изумрудной зеленью склонов и голубизной воды. Снаружи особняк выглядел как вырезанный из скандинавской сказки дом.

Внутри всё оказалось совсем иначе.

Ингрид встретила нас в дверях — высокая, худая, рыжеволосая, с громким смехом и теплыми объятиями. Она тащила меня внутрь, показывала комнаты, а я рассматривала интерьер и удивлялась тому, насколько видеосвязь не передает всего. Стены внутри были светлыми, почти белыми, с огромными панорамными окнами, которые выходили прямо на фьорд. Современная мебель — прямые линии, никакой вычурности. На полу — подогрев, везде продуманный свет, на кухне — техника, которой я даже пользоваться не умею. И при этом в углах стояли старые сундуки, на стенах висели потрепанные карты, а на каминной полке — фотографии в потертых рамках.

Старина и современность здесь не спорили, а дополняли друг друга. Как будто дом помнил свою историю, но не собирался в ней застревать.

— Твоя комната наверху, — Ингрид повела меня по скрипучей лестнице. — Вид оттуда, скажу тебе, лучший во всем доме. Я завидую.

Она не преувеличивала. Комната оказалась небольшой, но с огромным окном во всю стену. За окном — фьорд. Спокойный, зеленовато-голубой, с редкими барашками волн. Где-то на горизонте темнели горы, а надо всем этим нависало небо — такое низкое, что казалось, до него можно дотронуться рукой.

Я стояла у окна и не могла отвести взгляд.

— Нравится? — спросила Ингрид из-за спины.

— Я такого никогда не видела, — честно ответила я по-норвежски, запинаясь.

— Это только начало, — улыбнулась она. — Завтра поедем на водопад Вёрингсфоссен, там вода падает с высоты почти двести метров. А послезавтра, если захочешь, Нанна или Эрик отвезут тебя на ледник Фолгефонна. Там воздух... ты таким воздухом не дышала никогда.

Я ей охотно поверила и, конечно же, она оказалась права.

Следующая неделя прошла в режиме абсолютного, пронзительного, норвежского счастья.

Мы ездили на водопад, и я стояла под холодными брызгами, задрал голову вверх. Я пыталась разглядеть, где кончается вода и начинается небо. Мы ходили в походы к леднику, где воздух был такой чистый и холодный, что кружилась голова, а лёд отливал нереальным голубым цветом. Мы сидели с удочками на берегу фьорда, и сын Ингрид, Эрик (мой ровесник), учил меня различать форель и лосося. Мы забирались на смотровые площадки, откуда открывался вид сразу на несколько фьордов, и я просто смотрела — часами, не в силах насмотреться.

Нанна, двадцатичетырехлетняя дочь Ингрид и по совместительству сестра-близнец Эрика, высокая и темноволосая девушка (они с братом очень похожи, только у Нанны глаза —

голубые, а у Эрика — карие. Это называется «Разнойцевые близнецы»), оказалась отличным гидом. Она знала здесь каждый камень, каждую тропинку. Нанна рассказывала про викингов, которые когда-то жили в этих фьордах, про то, как саамы перегоняли оленей через перевалы, про то, почему вода в ледниках такая голубая. Она показывала мне съедобные грибы и ягоды, учила отличать чернику от вороники, объясняла, почему нельзя срывать мох — он растёт сто лет.

Ингрид познакомила меня с местной кухней. Я пробовала настоящего норвежского лосося — копченого, соленого, маринованного. Я ела оленину с брусничным соусом и удивлялась необычному вкусу.

Я училась печь лефсе — картофельные лепешки-блины, которые Ингрид сворачивала с маслом и корицей, и варить кашу из морошки, которую здесь называют «золотом севера».

Мы ездили на другой берег фьорда, в маленькие деревушки, где дома стоят прямо на воде на сваях, а вместо заборов — сушилки для рыбы. Мы заходили в старые деревянные церкви, которым по триста лет, и я вдыхала запах старого дерева и воска.

И каждый день я выходила на крыльцо и просто дышала. Воздух здесь был невероятный — прозрачный, хрустальный, с легкой горчинкой от сосен и солёным привкусом от фьорда, что придавало ему насыщенности. В Петербурге иногда я забываю, что значит дышать полной грудью.

Иногда, вечером, когда дом затихал, а в окно лился холодный северный свет, я ловила себя на том, что снова думаю о нём. О Филиппе.

О его взгляде. О том, как он искренне удивился, когда я показала ему «спасибо» на языке жестов — подсмотренное в гугле, неумелое, но от души. О том, как он напечатал в телефоне: «Откуда ты знаешь язык жестов?» — и я попыталась скрыть улыбку, но кажется, безуспешно.

Интересно, где он сейчас? Может, сидит в том же кафе, пьет свой американо? Может, думает о чём-то своем? Может, вспоминает девушку с синими глазами и гнездом на голове?

А может, и не вспоминает.

Позже, в тепле под одеялом, когда где-то внизу тихо переговариваются Ингрид и отец, а где-то далеко плещется фьорд, я позволяю себе думать о нем. Только чуть-чуть. Совсем немного.

Его руки были... красивыми. По-мужски. С длинными и ловкими пальцами с толстым, серебряным кольцом на большом пальце. Когда он «всматривался» в мою речь, он просто положил руки на кружку с кофе, и его пальцы лежали на керамике так красиво, что я засмотрелась. А потом он написал что-то в телефоне, и я увидела, как двигаются эти пальцы — плавно, точно, будто они живут своей жизнью.

Глухота... я думала об этом, тогда, перед встречей. Я испугалась. Не его, а себя. Своей неловкости. Но её не было.

Он живет в мире, где нет звуков моей любимой музыки, шума фьорда или треска поленьев в костре. И мне становится грустно. Но потом я вспоминаю его взгляд. И грусть проходит.

Этот взгляд я тоже часто прокручиваю в голове.

Я привыкла, что на меня смотрят. В Петербурге парни провожают глазами так, будто я мороженое, которое вот-вот растает, и надо успеть откусить кусок. Девушки же смотрят с холодным восхищением и капелькой зависти — мол, «повезло же с фактурой». Я к своей внешности отношусь спокойно — цвет волос, точность фигуры или длина ресниц. Я выработала некий иммунитет на таких персонажей, которым моя внешность не давала покоя. Парней я тотчас же отшивала, а на завистливых курочек не обращала внимание (на сколько это было возможно). Конфликты пыталась обходить стороной, но отстоять своё могла, так сказать, плавно, чтоб человек вообще не понял что его только что обосрали. В бьюти-индустрии по другому никак, увы. А я метила попасть намного выше, чем просто фотографии в онлайн-глянце.

Возвращаясь к Филиппу — он смотрел совсем иначе, чем я привыкла.

Он не раздевал меня глазами. Он не оценивал. Его внимание не было привычно напускным, для публики. Он рассматривал так, будто я была книгой на незнакомом языке, которую ему ужасно захотелось прочесть. Он смотрел внимательно, глубоко. Иногда, когда я говорила, его взгляд опускался на мои губы, и это не было чем-то пошлым. Это было необходимо. Он «слушал» меня. Но все равно, от этого взгляда бегали стаи мурашек. Я чувствовала себя единственным человеком в комнате, хотя кафе было забито в вечер пятницы.

А может, я всё выдумала? Может, он на всех так смотрит? Я же не знаю, как ведут себя глухие люди в обычной жизни — никогда не доводилось встречать. Скорей всего он со всеми так — смотрит в глаза и на губы, потому что иначе он не поймет собеседника. Вдруг для него это механика, а я уже романизирую на пустом месте?

Я злюсь на себя.

— Хватит, — шепчу я сама себе. — Я скоро уеду обратно в Петербург и, скорей всего, мы больше никогда не встретимся.

Но сердце стучит глухо и часто, и перед глазами снова эти пальцы, сжимающие кружку с кофе и зеленые глаза.

Я просыпаюсь помятой от ночных размышлений.

— Чёрт бы тебя побрал встретиться мне перед отпуском, где я планировала отдохнуть с лихвой от сумасшедшей жизни, — рычу я в подушку, молотя кулаками матрас.

Я спускаюсь на кухню. Ингрид уже колдует у плиты, папа читает новости на планшете, а Нанна и Эрик о чем-то спорят вполголоса на норвежском. Я слушаю их краем уха, наливаю себе кофе и понимаю всё, что говорят в этом доме.

Странное чувство — понимать чужой язык как родной. Папа учил меня норвежскому с детства. Сначала просто отдельные слова, потом сказки, потом мы смотрели мультики на норвежском и обсуждали их. В школе я учила английский и немецкий, как все, а дома у нас был свой, тайный язык — папин. Мама не возражала, наоборот — подшучивала, что скоро мы начнем обсуждать её при ней, а она даже не поймет.

Теперь я сижу на кухне в Норвегии, пью кофе и понимаю, что Нанна утверждает, будто Эрик вчера уснул в девять вечера, как пенсионер, а Эрик защищается и говорит, что просто очень устал после похода на ледник. Я улыбаюсь в чашку.

Как ни странно, в этом доме русский понимают тоже все, но, когда доходит дело до разговора, что я, что они — перескакиваем с языка на язык, поэтому общение у нас получается на двух языках одновременно.

— Герда, — папа откладывает планшет, — Поступило предложение. Насколько я помню из наших созвонов, ты хотела посмотреть настоящие норвежские горы. Те, куда туристы обычно не ходят.

Я киваю, насторожившись.

— Нанна и Эрик собираются в небольшой поход на пару дней. В горы, к хижине, которая принадлежала ещё деду Ингрид. Места там дикие, красивые. Хочешь с ними?

Я смотрю на этих двоих. Нанна улыбается во все тридцать два зуба, Эрик улыбается и отводит взгляд.

Мне показалось, или у него уши покраснели?

— Если вы не против, — осторожно говорю я на норвежском.

— Нет, конечно, — Нанна пинает брата по ноге под столом. — Эрик у нас ответственный, будет за тобой присматривать, как за хрустальной.

Эрик закатывает глаза на сестру, но молчит.

Через два часа мы грузим рюкзаки в старенький «Ленд Ровер» Эрика. Дорога петляет вдоль фьорда, потом резко уходит вверх, в горы — серпантин, от которого у меня захватывает дух. С одной стороны — скала, с другой — обрыв, и где-то далеко внизу блестит вода.

— Не боишься? — спрашивает Нанна с переднего сиденья.

— Еще чего, — отвечаю я.

Эрик усмехается. Я ловлю его взгляд в зеркале заднего вида и думаю о том, какие у него красивые глаза. Карие, тёплые, с золотыми крапинками. И правда очень похож на мать, только в мужском варианте и не рыжий.

Машина остаётся на небольшой парковке у подножия. Дальше — пешком. Тропа идёт вверх, петляет между валунами, ныряет в карликовые берёзки, выныривает на открытые пространства, откуда видно всё сразу — фьорд, горы, небо.

Нанна идёт первая, насвистывает какой-то мотив, прыгает с камня на камень, как горный кролик. Эрик держится рядом со мной, показывает, куда ставить ногу, где скользко, где лучше придерживаться за выступ.

— Ты не обязан со мной нянчиться, — говорю я ему через час ходьбы. — Я не упаду.

— Знаю, — он улыбается. — Просто мне нравится помогать тебе.

Я улыбаюсь ему и мы двигаемся дальше.

К вечеру мы добираемся до хижины. Она стоит на небольшом плато, прямо у подножия скалы, с которой срывается тонкая нитка водопада. Хижина старая, бревенчатая, с почерневшими от времени стенами и травой на крыше. Внутри — две комнаты, печка-буржуйка, две двухъярусные кровати, застеленные оленьими шкурами.

— Кайф, — выдыхаю я, стоя у входа.

— Подожди до заката, — говорит Нанна, разгружая рюкзак. — Будет настоящий кайф под походную еду.

Они растапливают печь, пока я сижу на крыльце и смотрю, как солнце медленно сползает к горизонту, окрашивая снежные шапки в розовый. Потом мы ужинаем — здесь, в горах, походная еда кажется невероятно вкусной.

Когда темнеет окончательно, Нанна идет спать, а Эрик остаётся со мной у костра, который мы развели перед хижиной. Сидим молча, слушаем треск дров и далекий шум водопада.

— Знаешь, — говорит вдруг Эрик, — я рад, что ты приехала.

— Я тоже.

— Мама так переживала, понравится ли тебе здесь. Говорила, что ты городская, что тебе может быть скучно.

— Скучно? — я смеюсь. — Может показаться, что это так, но, когда тебя окружает такая дикая красота, хочется никогда не останавливаться и идти — по полям, по горам, под водопадами, над ними. Была бы моя воля — всю Норвегию бы прошла вдоль и поперек.

Он улыбается в темноте.

— Приезжай почаще — может и пройдешь. — Мы молчим какое-то время.

— Ты не такая, как я думал.

— А какая ты думал? — с интересом наклоняю к нему голову.

— Не знаю. Избалованная городом. — Я пожимаю плечами.

— С шестнадцати лет я привыкала жить без мамы, а потом и вовсе стала жить одна. На самом деле ничего особенного, таких, как я, миллионы, но, для меня — это важно, понимаешь? — я делаю паузу, смотря на огонь. — Всё это дает почву под ногами, и после достижения одной цели — нахожу новую. Папины деньги — это только если я сама разрешу.

— Я понял, — Эрик поднимает руки, сдаваясь. — Совсем не такая, как я думал.

Мы дружно посмеиваемся и сидим ещё какое-то время, потом я чувствую, что глаза слипаются, и иду в хижину. Нанна уже сопит на втором этаже одной кровати, Эрик показывает мне на нижний ярус, а сам ложится на другую.

Я просыпаюсь от того, что в хижине прохладно, а печка, видимо, прогорела еще ночью. Нанны уже нет, Эрик сидит у окна с кружкой, закутанный в плед.

— Доброе утро, — он оборачивается. — Нанна пошла встречать рассвет на скалу. Сказала, что мы можем подтягиваться, когда захотим. Ну и, конечно, если успеем. — Эрик усме- хается.

Я выползаю из-под шкур, натягиваю куртку, серую шапку и выхожу на крыльцо. Утро невероятное — туман лежит в долине, как молоко, а вершины гор уже горят в лучах рассвета.

Мы быстро перекусываем, собираемся и идём к Нанне. Она сидит на огромном плоском камне, свесив ноги в пропасть, и смотрит куда-то вдаль.

— Опоздали, — говорит она, не оборачиваясь. — Самое красивое уже было.

— Кто-то много спит, — отвечает Эрик, ухмыляясь.

— Эй! — Я сажусь чуть поодаль и пихаю парня в плечо. — Я вообще-то в отпуске, мне можно. — Близнецы усмеваются.

Мы сидим и смотрим вдаль. Тишина здесь совсем другая, нежели внизу. Она звенит. Или это просто воздух такой разряженный? Кажется, все мои чувства, все мои переживания последних лет становятся здесь прозрачными.

Мы проводим весь день в горах. Поднимаемся выше, туда, где уже не растёт ничего, кроме мха и лишайников, где ветер такой сильный, что приходится держаться друг за друга, чтобы не упасть. Спускаемся к ледниковому озеру, и я трогаю воду — она обжигает холодом.

К вечеру я выматываюсь так, что ноги гудят. Мы возвращаемся в хижину, и пока я пыта- юсь развести огонь в печке (безуспешно), близнецы выходят на улицу — за дровами.

Я остаюсь одна. Спички падают из рук, я чертыхаюсь и вдруг слышу их голоса снаружи. Хижина старая, а окно приоткрыто.

— Ты на неё смотришь, как побитая собака, — голос Нанны, насмешливый. — Это уже слишком очевидно, брат.

— Тебе показалось.

— Ага. Если мне показалось, то ты король Норвегии.

Пауза. Потом Эрик — тихо, почти неслышно:

— Я ничего не могу с собой поделать. Она... понимаешь, она...

— Ммм?

— Когда она рядом, мне хочется быть лучше. Сильнее, что ли. — Тяжело выдыхает Эрик. Я замираю у печки, забыв про спички. Сердце колотится очень быстро.

— Ой, всё понятно. Она тебе нравится, — вздыхает Нанна. — Она через неделю уедет, ты же в курсе?

— Я знаю.

— И что будешь делать?

— Ничего. Просто буду рядом, пока можно.

Голоса стихают, слышен треск ломаемых веток. Я сижу на полу у печки и понимаю, что щеки горят.

Ч-чего???

Я перебираю в голове все наши разговоры, все его взгляды, все случайные прикоснове- ния, когда он поправлял мой рюкзак или подавал руку на сложном участке. Как я могла не заметить? Или заметила, но не придавала значения, потому что...

Потому что сама думала о другом...

Ох, Эрик... Он правда очень хороший. Красивый, высокий, широкоплечий, с этими карими глазами и мягкой улыбкой. Умный — он финансист, работает в компании отца, много

читает, разбирается в музыке, которую я люблю. Добрый — я видела, как он возится с соседскими детьми, как помогает Ингрид по дому, как заботится о Нанне.

Но для меня он — брат. Просто брат. Не кровный, но родной.

Вспоминаю наши вечерние разговоры, когда папа передавал ему телефон. Это началось случайно — я позвонила отцу, он был занят, трубку взял Эрик. И мы проболтали полтора часа. О его работе, об учебе Нанны на втором высшем, о Норвегии, о моей жизни — совсем чуть-чуть, потому что я вообще не любитель рассказывать о себе.

Дверь скрипит, близнецы входят с охапками дров. Я делаю вид, что копаюсь в рюкзаке.

— Гер, ты чего сидишь в темноте? — Нанна подходит к печке. — О, даже не пыталась разжечь? Давай сюда спички, смотри, как надо.

Эрик проходит мимо, и я чувствую его взгляд на своей макушке.

Оставшийся день проходит как в тумане. Мы спускаемся с гор, я смотрю на пейзажи, но думаю о другом. Эрик ведет машину, изредка бросает на меня взгляды в зеркало заднего вида. Нанна дремлет на переднем сиденье.

Дома Ингрид накрывает ужин, папа расспрашивает о походе, я отвечаю односложно. Вечером забираюсь в свою комнату с книгой, но не читаю. Смотрю в окно на фьорд и думаю... думаю... думаю...

Стук в дверь. Тихий, осторожный.

— Войдите.

Эрик просовывает голову:

— Не спишь?

— Нет.

— Можно?

Я киваю. Он заходит, садится на пол у окна, прислонившись спиной к стеклу. После секундного колебания я сползаю с кровати и сажусь рядом, кутаясь в свой любимый кардиган. За стеклом — фьорд, черный в темноте, с редкими огоньками на том берегу.

Мы сидим молча. Долго. Потом он поворачивается ко мне.

— Герда...

— Эрик, я знаю.

Он замирает.

— Что знаешь?

— Сегодня утром. У хижины. Я слышала ваш разговор с Нанной. Случайно, честно. Мне жаль.

Он отводит взгляд и смотрит в пол. Мне становится невероятно неудобно за всю ситуацию.

— Эрик, — я беру его руку в свои две, — ты правда очень хороший. Ты красивый — я не знаю, говорил ли тебе кто-то, что у тебя невероятные глаза? Ты умный, добрый, заботливый. Ты тот парень, про которого пишут в книгах и снимают фильмы. Настоящий грин флаг. И любая девушка была бы счастлива быть с тобой.

— Но не ты, — тихо говорит он.

— Ты для меня — семья. Я люблю тебя, правда, но как брата. Как Нанну. Как Ингрид. Вы стали мне родными за эти годы, и я не хочу это потерять, понимаешь? Когда мамы не стало, в груди как-будто образовалась огромная дыра, но с приходом вас она начала затягиваться. Медленно, но так необходимо. Прости, если это прозвучало эгоистично.

Он молчит, смотрит в одну точку. Потом глубоко вздыхает и, наконец, поднимает глаза.

— Можно я всё-таки скажу? Просто чтобы ты знала. Чтобы я сам это сказал, а не ты подслушала.

Я киваю.

— Ты понравилась мне не здесь, — он обводит рукой комнату, дом, фьорд за окном. — Еще тогда, по видеозвонкам. Когда ты звонила отцу, а он давал трубку мне. Когда вы с Нанной болтали, а я делал вид, что просто сижу рядом. Ты никогда не говорила много о себе, и это меня зацепило. Ты не вываливала на всех свои проблемы, не жаловалась. Ты просто была — с улыбкой, с вопросами о нас, с этим своим спокойствием, жизнерадостностью. Я восхищался тобой. А когда ты приехала, и я увидел тебя, живую... — он качает головой. — Ты ходишь по дому босиком. Ты подпеваешь песням, которые играют по радио, даже если не знаешь слов. Ты смотришь на горы так, будто видишь их в первый раз в жизни, хотя, вот уже неделю окружена ими. Ты ешь мамин яблочный пирог и закрываешь глаза от удовольствия. Ты...

— Эрик, — останавливаю я его, потому что если он продолжит, я расплачусь. А еще мне неловко. — Я хочу сказать тебе, что, честно говоря, ты еще не знаешь всю меня. Какой я могу быть. — Мну я каждое слово. Эрик вздыхает.

— Я просто хотел, чтобы ты знала, какая ты в моих глазах. И чтобы знала, что дорожу тобой, как сестрой, однозначно. Но и как девушка ты необыкновенная, сильная и очень красивая. И мне очень жаль, если мои чувства будут для тебя бременем.

— Это не бремя, нет! — восклицаю я твёрдо. — Это просто факт. И знаешь что? Я надеюсь, что теперь, когда ты это сказал, тебе станет легче. Что этот груз перестанет на тебя давить. И ты сможешь двигаться дальше.

— Думаешь, сработает? — Иронично спрашивает Эрик.

— Уверена. Потому что ты заслуживаешь быть счастливым. С кем-то, кто будет смотреть на тебя так же, как ты сейчас смотришь на меня. Я очень сильно желаю тебе найти свою принцессу.

Он улыбается — грустно, но светло.

— Ага, найду свою Ариэль. Тут и вода близко как раз. А ты своего Кая не профукай.

— Вообще-то он был ей типо братом.

Мы вместе смеемся нелепому совпадению, что наши мамы фанаты сказок. А еще, я тут же вспомнила еще про одного персонажа любимой сказки. Диснеевской. Спящая красавица.

— Иди сюда.

Я придвигаюсь, и он обнимает меня крепко, но бережно, как обнимают что-то очень дорогое, что боишься сломать. Мы сидим так какое-то время, потом отстраняемся и ещё долго болтаем — о всякой ерунде, о работе, о том, как Нанна в детстве упала во фьорд и ее спасали всей деревней, о том, что я обязательно должна приехать зимой, когда здесь северное сияние.

Потом он встает, целует меня в макушку и уходит.

Я остаюсь одна у окна. Смотрю на тёмную воду, на редкие огни, на небо, где начинает проступать стая звёзд.

И думаю о том, что жизнь — странная штука. Здесь, в Норвегии, меня любит один удивительный парень. А я думаю о другом, который остался за тысячу километров, в Петербурге, и даже не знает, что я о нём думаю.

Я вздыхаю, забираюсь под одеяло, откладываю книгу на тумбочку и закрываю глаза.

Завтра будет новый день.

Глава 4

Герда

Телефон на тумбочке вибрирует настойчивей некуда.

Раз. Пауза.

Еще раз.

Я жмурюсь, прячу лицо в подушку, цепляясь за остатки сна, но третья вибрация уже вытаскивает меня из сна окончательно.

— Да чтоб тебя...

Я переворачиваюсь на спину и смотрю в потолок, залитый холодным утренним светом. Норвегия просыпаться стремительно — здесь утро всегда чуть раньше, чем я готова. Снизу слышны привычные звуки: Ингрид возится с посудой, папа, скорее всего, уже листает новости, попивая чашечку дорогого кофе.

Я тянусь к телефону, щурясь. Неизвестный номер.

Открываю.

«Привет, это Филипп».

«Мне твой номер дал Марк».

«Надеюсь, ты не против?»

Я тру пальцами по глазу, перечитываю. Потом ещё раз, будто текст может изменить смысл.

«Как там Норвегия? Лосося уже замучила?».

Телефон снова вздрагивает у меня в руках, я дергаюсь, и он предательски падает мне на нос.

— Ай!

Потираю переносицу, и снова смотрю в экран.

Пишу:

«Привет. Норвегия норм. Марк в курсе, что раздает персональные данные без спроса?»

Отправляю — и сразу понимаю, что звучит глупо. Конечно в курсе. Сердце почему-то бьется слишком быстро.

Ответ приходит почти сразу:

«Марк в курсе всего. Он же журналист. Это профессиональная деформация. Я просто воспользовался привилегией лучшего друга».

Я усмехаюсь.

«И ради чего понадобилась твоя привилегия?»

«Хотел убедиться, что девушка с гугл-поиском добралась без приключений».

Я тихо фыркаю.

«Слабовато. И вообще, ты в курсе, что в Норвегии семь утра?»

«Да, я тоже умею пользоваться гуглом»

Я закусываю улыбку — бесполезно, она всё равно расползается. Снизу Ингрид зовёт папу, день уже начался, а я в этом маленьком светящемся прямоугольнике.

Новое сообщение:

«Прости, если разбудил. Думал, прочтёшь позже. Я полторы недели выбивал твой номер у своего «лучшего» друга — и как только получил, сразу написал. Не удержался»

«Судя по кавычкам, он больше не лучший?»

«Скажем так — его ждут насыщенные выходные :-))»

«Мне уже заранее жалко Марка»
«Не стоит. Мои приколы он выдержит»
Я смеюсь, спуская ноги с кровати.
«Ладно, я пошла завтракать. Норвежские блины ждут меня!»
«Иди. А я уже на работе»
Я улыбаюсь, иду в душ — и вдруг ловлю себя на том, что напеваю любимый мотив.

Следующие три дня мы переписываемся. Не постоянно, но как-то легко и без напряжения. Утром, пока я пью кофе и щурюсь от слишком яркого неба. Вечером, перед сном, когда день уже закончился, и мысли начинают расплываться в разные стороны.

Днём мне не до телефона. Мы всё время куда-то едем, идём, смотрим.

Ингрид везёт нас в Норхеймсунд. Маленький городок, аккуратный, почти игрушечный, с населением около трех тысяч человек. В морском центре строят деревянные лодки, и я зависаю там дольше всех. Мужчина с бородой вырезает деталь из дерева, спокойно, без суеты. Я думаю о том, что у него, наверное, нет ощущения, что он куда-то опаздывает. И мне от этого немного завидно.

Пахнет деревом, смолой и морем. Очень чисто и умиротворяюще.

Нанна даёт мне молоток. Я почти попадаю себе по пальцу и смеюсь. Руки сразу становятся какие-то неуклюжие, непривычные.

На следующий день мы плывем на каяках по фьорду. Вода зелено-голубая, холодная до онемения. Я опускаю руку и сразу её вытаскиваю. Я смотрю на неё и вдруг думаю, что этой воде, наверное, больше лет, чем всему, что я знаю. И почему-то от этого становится спокойно. Мы заплываем в узкий рукав, куда нет дороги — только вода и скалы. Они стоят так близко, что, кажется, можно вытянуть руку и дотронуться. Непередаваемые ощущения — оказаться в месте, куда нельзя просто так попасть.

На следующий день мы едем на сыроварню. Маленькое место, почти домашнее. Женщина в фартуке, подруга Ингрид, даёт нам попробовать бруност, и я сначала морщусь, а потом беру ещё. Сладкий сыр — до сих пор не уверена, что это нормально.

Я думаю о том, что норвежцы вообще спокойно относятся к странным вещам. Просто живут с ними, и всё. Хотя, если посмотреть под другим углом, это для нас они странные. Для них — это обычная часть жизни.

— Ингрид, а какая русская еда для норвежцев кажется странной?

Она сначала смотрит на меня с лёгким удивлением, потом хмыкает.

— Ну... солёные огурцы и рассол, например. Я до сих пор не понимаю, как это можно любить. У нас, конечно, тоже есть ферментированные продукты, рыба, например, но овощи... — она поднимает руки, будто сдаётся. — А холодец? Как вообще можно было додуматься заставлять бульон застывать?

— А ты пробовала? — я улыбаюсь её реакции. — Я обожала бабушкин холодец. Она варила его каждый Новый год, сразу по три больших, железных лотка. И благодаря мне они исчезали очень быстро, — мы смеемся. — Я скучаю по этому вкусу.

Я на секунду замолкаю. Вспоминаю бабушку по маминной линии. Её не стало, когда мне было одиннадцать.

— Значит, у меня есть повод попробовать, — мягко говорит Ингрид.

Мы улыбаемся друг другу и идём дальше. Мы выходим в сад. Ингрид говорит, что чуть позже здесь всё расцветает так, что невозможно отвести взгляд. Я пытаюсь это представить и вдруг понимаю, что хочу увидеть это сама. Не просто услышать, а вернуться.

Вечером мы печём лефсе. Мука везде, Ингрид смеется, говорит, что у меня получается. И мне с ней удивительно легко. Настолько, что это даже немного смущает. Где-то внутри появляется странное чувство, почти вина. Будто я предаю маму. Глупо, но я всё равно его чувствую.

Потом Ингрид становится серьёзной.

— Герда, скажи честно, что у тебя на душе. Насчёт меня... насчёт всего.

Я смотрю на неё. Она волнуется, хоть и старается держаться спокойно.

— А почему я должна быть против? — пожимаю плечами я.

— Я не хочу заменить тебе маму, — говорит она осторожно. — И не смогу. Но мне бы очень хотелось теплых отношений с тобой. Я люблю твоего папу. И... тебя тоже. И если тебе когда-нибудь захочется поговорить, я буду рядом.

Я молчу. Раньше мне казалось, что это неправильно. Как будто место рядом с папой занято, и его нельзя занимать.

— Сначала я злилась, — говорю я тихо. — Мне казалось, что он предаёт маму. И меня.

Слова звучат тише, чем я ожидала. Ингрид кивает в немом понимании.

— А потом я поняла, что это эгоистично. Я хочу только одного — чтобы он был счастлив. С вами он... другой. Светится. И это главное. — Я беру её за руки.

— Спасибо тебе за то, что ты рядом с ним. Мне было страшно. Но когда я приехала сюда, я поняла, что он впервые за много лет на своём месте. — У неё на глазах появляются слезы. Она притягивает меня к себе и крепко обнимает. Мне вдруг остро не хватает этого — простого, теплого, родительского. Я обнимаю её в ответ, и глаза тоже наполняются слезами, но это уже не боль, а что-то светлое.

— Спасибо, — шепчет она мне в волосы.

Я только сильнее прижимаюсь, а потом, отстранившись, вытираю глаза тыльной стороной ладони.

— Так, давай спасать лепёшки, пока не натворили чего похуже, — говорю я, пытаюсь разрядить момент.

Она смеется, и мы возвращаемся к кухонным делам.

Ближе к ночи, я выхожу на крыльцо. Здесь тихо. Темно, по-настоящему, без фонарей и чужих окон. Звёзды ярче, воздух плотнее, и мысли почему-то становятся глубже.

Я смотрю на небесную россыпь и думаю, что в таких местах легче верить, что всё сложится. Даже если ты пока не понимаешь — что и как.

Это странно и интересно одновременно. Именно родной Петербург всегда казался мне местом той самой глубокой философии. Именно там, сидя на набережных и слушая любимую музыку, я пережила самые трудные дни моих двадцати четырех лет. Именно там, я брала себя в руки и двигалась дальше. Интересно, как бы все сложилось, если бы я все-таки уехала с папой в Норвегию?

Телефон вибрирует в кармане куртки. Я ставлю чашку с горячим шоколадом на крыльцо и разблокирую телефон.

«Спишь?»

«Нет»

«Что делаешь?»

Я поднимаю взгляд и возвращаю на экран.

«Смотрю на звёзды и думаю»

«Моё любимое занятие»

Я думаю секунду.

«А что ты еще любишь?»

Пауза. Кажется, она тянется вечность. Я беру с крыльца чашку и делаю несколько неторопливых глотков. Ммм... Божественно.

Вижу, как побежали точки о наборе текста. Я в предвкушении.

«В последнее время, моим любимым занятием стало разглядывание одного онлайн-журнала моды».

От неожиданности я давлюсь напитком и заливаю себе ботинки со спортивными штанами.

— Чёрт!

Откуда он, черт возьми, узнал? Ответ приходит сразу же. Откашлявшись, пишу:

«Марк накопал?»

«В точку. Скажи, почему ты об этом не рассказала тогда, в кафе, и не упомянула ни разу в переписке?»

«Это сложно объяснить»

«Я люблю сложности. Может, расскажешь, при встрече?»

Хорошо, что я не сделала еще глоток, иначе бы история повторилась. Кажется, приезд в Питер будет весьма интересным.

«Хорошо. Когда? Я прилетаю в эту субботу днем».

«Я могу встретить тебя с самолёта?».

Вот это поворот. Я что, в сказку попала?

«А конь будет?» — Я прям вижу, по своей памяти, как он сейчас сидит и улыбается. Такой... мама дорогая. *Герда, держи себя в руках, в конце концов! Надо заново учиться покерфейсу за последующие два дня.*

«К сожалению нет, только я и машина».

«Ты имеешь в виду такси?»

«Нет, я имею в виду купленную мной машину».

Ещё один поворот. Чем дальше, тем интересней.

«Хорошо». — Написав все подробности о месте и времени, я поднимаюсь с крыльца, попутно дергая ногами как в каком-нибудь диснеевском мультике, пытаюсь смахнуть хоть немного горячего шоколада, и топаю переодеваться.

После всех процедур и разглядываний концепции следующей съемки в Vogue beauty слышу, как стучат в дверь. По приглушенному голосу я понимаю, что это папа.

— Решил зайти к тебе. Послезавтра ты улетаешь.

Мы говорим спокойно. Я рассказываю про работу, про съёмки, про то, что иногда кажется, будто всё случайно. Как будто я просто оказалась в нужном месте.

Он слушает и потом говорит:

— Мама бы сказала, что ты говоришь глупости.

Я улыбаюсь.

— Она так и говорила, когда я размышляла при ней. На большинство моих размышлений, между прочим. — Мы оба смеемся над её особенностью все проблемы делать простыми и понятными.

— Я скучаю по ней, пап.

— Я тоже малыш. — Он обнимает меня крепко, совсем как когда-то и моё сердце и душа стали еще на унцию целей.

Когда он уходит, становится тихо. Я улыбаюсь, вспоминая все дни здесь. Это было самое лучшее путешествие в моей жизни — завораживающее и искреннее, Теплое и обволакивающее.

Завтра будет ещё один день. Потом — домой.

— Нанна!

— Да здесь я, дайте пошущукаться с единственной сестрой на дорожку! — Орёт она, чтоб внизу все услышали. — Мы похихикали и продолжили сборы. Нанна вызвалась помочь собрать мои вещи, хотя, мне кажется, что причина была совсем иная, так как она только и делает, что лежит на моей кровати и смотрит за процессом сборов. А еще молотит языком на русско-норвежском так, что я иногда не поспеваю.

— Эх, жаль что ты уже влюбилась!

Я чуть ли не спотыкаюсь об свою же ногу.

— Ч-чего? — Запинаюсь я, натягивая съехавший носок.

— Ой, да ладно тебе! Видела я, как ты не отлипаешь от телефона и постоянно лыбишься.

Кто он?

— Блин, это так очевидно? — стону я, плюхаясь на чемодан и подпирая подбородок ладонями. — Жалкое зрелище?

— Почему сразу жалкое? И вообще, жалко только у пчелки. А я их ненавижу. Давай рассказывай.

Я рассказываю ей всё, параллельно собирая вещи: начинаю с переписки с Марком и заканчиваю позавчерашними договоренностями о встрече у самолёта.

— Вот это история. Не страшно тебе из-за того, что он глухой? — Переживания проходят складками между ее бровей.

— Скажу тебе больше — я в паническом предвкушении.

— Но, Гер, ты понимаешь всю ответственность?

Настала очередь хмуриться мне.

— Я понимаю, что ситуация не совсем стандартная, но он совсем не отличается от любого другого человека, внешне. Но знаешь, за тот час, что мы сидели в кафе, я разглядела нечто иное, нечто завораживающее.

— Гер, он же не какой-то цирковой зверёк...

— Я понимаю о чем ты... — я перебиваю ее, выставив ладонь вперед и замолкаю. Не понимаю, как объяснить ей, что я чувствую. Она продолжает за меня.

— Главное, чтоб ты была счастлива и...не забывала предохраняться.

— Наннаааа!!!

— Чтоооо? Я вообще-то серьезно! — она даже не пытается скрыть улыбку и переворачивается на бок, внимательно глядя на меня. — У тебя всё на лице написано!

— Ох и расслабилась же я тут... — Я тяжело выдыхаю и поддвигаюсь к чемодану.

— Я не влюбилась, если ты об этом, — говорю я чуть быстрее, чем нужно. — Мы почти не знакомы. Просто переписываемся.

— Герда, — она приподнимается на локтях и смотрит уже серьезнее, — Дело же не в том, как это называется, а в том, как это ощущается. Ты сама-то понимаешь, что у тебя к нему?

Я замолкаю. Кручу в руках свитер, но не вижу его.

Понимаю ли я?

— Вот в том-то и дело, что нет, — тихо отвечаю я. — Я вообще не понимаю, что это. Он просто... он. С ним спокойно. Без этих игр, без попыток казаться кем-то другим. Парни именно так и ведут себя со мной — фальшиво, пытаюсь понравиться мне какими-то вычурными способами. Но они забывают, что я не просто красивая картинка. У меня тоже есть чувства и мозги. — Нанна чуть наклоняет голову.

— Паршиво. И тебя это пугает? Что он может оказаться таким же?

Я усмехаюсь.

— Нет. Я верю, что он такой, каким я его знаю. Хоть и не долго. Дело во мне. Когда есть какие-то эмоции, они сразу понятны. А тут...не важно — я пожимаю плечами. — Я даже не знаю, это просто вежливость или нет.

— В смысле?

Я поднимаю на неё взгляд.

— Он хочет встретить меня в аэропорту. И я не понимаю, это просто... ну, по-человечески помочь, довезти, или... — я запинаясь, подбирая слово. — Или это что-то большее?

Нанна тихо хмыкает, но уже без насмешки.

— А тебе самой как хочется, чтобы это значило?

Я не отвечаю сразу.

Хочется ли мне, чтобы это было «что-то большее»? Сама не знаю.

Я вспоминаю его сообщения. Спокойные, немного с иронией. Вспоминаю его тёплый взгляд.

— Я не хочу придумывать лишнего, — наконец говорю я. — Правда. Просто... — я делаю паузу. — Мне с ним интересно. И этого пока достаточно.

Нанна смотрит на меня внимательно, будто пытается понять, где я сама себе вру.

— Слушай, — говорит она уже мягче. — Даже если он просто хочет помочь, это не делает всё остальное «ничем». Люди редко просто так хотят встречать кого-то в аэропорту. Особенно, если можно было просто сказать «возьми такси».

Я усмехаюсь.

— Логично.

— Конечно логично. — Она садится и тянется за моей кофтой, складывая её в чемодан. — И вообще, тебе не обязательно сейчас всё понимать и раскладывать по полочкам. Встретитесь, посмотришь, как он себя ведёт, как ты себя чувствуешь. Там и станет ясно. Наслаждайся жизнью.

Я киваю, но внутри всё равно остаётся лёгкое напряжение. Не тревога. Скорее ожидание.

— Ты иногда говоришь слишком разумные вещи.

— Но-но! Я вообще-то всегда их говорю.

Я смеюсь и закрываю чемодан.

— Ладно. Посмотрим.

— Вот именно. — Она встает и тянется (как будто она одна мои вещи собирала). — Сначала долети, потом посмотри на него вживую, а потом уже решай, что это было. Вежливость или что-то интереснее. Если что — пиши. Я буду ждать подробности.

Я поднимаюсь следом и беру чемодан.

Перед глазами вдруг на секунду всплывает картинка: аэропорт, его машина и он.

И почему-то от этого внутри становится чуть теплее.

— Пошли, — говорю я, обнимая Нанну за плечи.

И на этот раз я правда чувствую, что впереди что-то начинается.

Глава 5

Герда

Самолёт касается земли так мягко, что на секунду возникает ощущение, будто ничего не произошло, будто я всё ещё нахожусь где-то между Норвегией и Петербургом, в том самом пространстве, где можно не принимать решений и не объяснять себе собственные чувства. А может — я просто продрыхла весь полёт и не заметила, как мы приземлились.

Я не спешу вставать, позволяя этой иллюзии продлиться чуть дольше, чем нужно. Сидя в почти пустом салоне, машинально провожу пальцами по подлокотнику, словно пытаюсь зацепиться за эту тишину, которая так необходима сейчас в моей голове.

Возвращаться всегда сложнее, чем уезжать, и дело даже не в расстоянии или времени, а в том, что, возвращаясь, ты неизбежно сталкиваешься с тем, что не успел до конца пережить или принять. Именно в этот момент в голове всплывает голос Нанны перед отлетом — спокойный, уверенный, лишенный всякой драматичности, но от этого еще более точный.

«Герда, живи и наслаждайся жизнью. И не выдумывай лишнего».

Я тихо усмехаюсь, открывая глаза. *Легко сказать.* Но, что раздражает сильнее всего — она права, и я это прекрасно понимаю.

«Дворецкий» мини-джета катит мой чемодан и скрывается из вида. Я поднимаюсь, беру сумку, поправляю длинную кожаную юбку винного цвета и направляюсь к выходу. С каждым шагом чувствую, как внутри постепенно возвращается привычная собранность, которая всегда включается в моменты, когда нельзя позволить себе выглядеть растерянной.

В открытую дверь дует прохладный петербургский воздух, мгновенно касаясь лица — влажный, чуть тяжелый, знакомый до мельчайших деталей, и вместе с этим воздухом приходит ощущение, что я действительно вернулась. За две недели стало заметно теплей.

Я делаю шаг на трап и сразу замечаю его и вся моя собранность улетучивается в тот же миг.

Филипп стоит ближе к лестнице, чем остальные («дворецкий» переговаривает с каким-то парнем у черной машины, которая стоит чуть дальше) и смотрит. Так же, как тогда в кафе. Не скользяще, не поверхностно, не оценивающе — а внимательно, сосредоточенно, будто он не просто видит меня, а считывает, как текст, в котором важно не пропустить ни одной детали.

Выглядит от так же как тогда, в кафе. Властно, вальяжно и при всем при этом очень мило и по мальчишески. На нём спортивные брюки цвета хаки и простая серая толстовка.

Я начинаю спускаться, стараясь не сбиваться с ритма и не споткнуться об собственные нервы, но ловлю себя на том, что его взгляд ощущается слишком явно, и от этого появляется странное, непривычное чувство — как будто я вдруг становлюсь слишком заметной.

Когда до земли остается один шаг, он делает неожиданное для меня движение вперед и протягивает руку, спокойно и без всякой демонстративности, как будто это естественный жест, не требующий никаких объяснений.

Я на секунду задерживаю взгляд на его ладони, и в этой короткой паузе успеваю подумать о его длинных и красивых пальцах. Поднимаю глаза на его полуулыбку и дружеский взгляд, вкладывая руку в его крепкую ладонь.

И почти сразу чувствую, как по коже проходит короткая, предательская дрожь, слишком явная, чтобы её можно было списать на холодный воздух.

Я чуть сильнее сжимаю пальцы, будто проверяя, не показалось ли мне, но ощущение никуда не исчезает, и это раздражает меня куда сильнее, чем хотелось бы признать. Я совершенно сбита с толку своей реакцией на такую мелочь.

Он держит руку спокойно, уверенно, чуть дольше, чем требуется, и не отпускает даже тогда, когда я уже стою на земле. Я собираюсь сказать что-то нейтральное, чтобы вернуть контроль над ситуацией, но взгляд цепляется за экран его телефона, который он плавно поднимает до уровня моих глаз.

«Добро пожаловать домой, норвежская принцесса».

Я смеюсь, не успевая отфильтровать реакцию, и в этом смехе слишком много облегчения, будто он разряжает напряжение, которое появилось между нами буквально за несколько секунд.

— Серьезно? — хмыкаю я.

Он слегка пожимает плечами и опускает мою руку, разведя руки в стороны. Улыбаясь, он подносит телефон к лицу и его красивые пальца (да, у меня фетиш на красивые мужские руки, и что с того?) ловко тыкают по экрану:

«Тебе очень идет отдохнувший вид».

— Спасибо, — отвечаю я, чувствуя, как голос становится мягче, чем я планировала и смущаюсь, а потом резко подбираю все свои невидимые слюни и отвожу взгляд.

И именно в этот момент кто-то стремительно появляется рядом.

— Я надеюсь, я не вмешиваюсь в какую-то особенно важную сцену, потому что если да, то я готов сделать вид, что меня здесь не было, хотя, если честно, врать я не умею.

Я поворачиваюсь к нему, оценивающе скользя взглядом сверху вниз, и понимаю, что вижу его впервые. Кудрявые каштановые волосы до плеч, немного неряшливый вид в светлом бомбере, кеды и широкие джинсы. Парень очень похож на Джаред Лето. А самое главное — совершенно не скрываема полуулыбка альфа-самца, которую я видела очень много раз в свой адрес.

— Зависит от того, кто ты и зачем ты здесь, — отвечаю я спокойно, не спеша делать выводы и скрещиваю руки на груди.

Он улыбается шире, будто такой ответ его только подогревает.

— Отлично, значит, начнем с простого. Марк.

Он делает короткую паузу после причудливого реверанса, явно ожидая реакции, которой не происходит. Честно говоря, я сразу поняла, что это тот самый журналист, но поиздеваться над такими я всегда любила.

— И это должно мне что-то объяснить? — уточняю я.

— Вообще-то «это» — мое имя, но, судя по твоему выражению лица, я немного переоценил свою узнаваемость.

— Немного — это мягко сказано, — отвечаю я.

Он тихо смеется и качает головой.

— Ладно, уточняю. Марк Лютеров, тот самый журналист.

Я прищуриваюсь, вспоминая, и только сейчас картинка как будто складывается.

— А, тот самый, который профилировал встречу и который раздает персональные данные налево и направо?

— Справедливо, — он кивает, взъерошив кучерявую копну. — Но можешь не благодарить. — Хитрая самодовольная улыбка. Такие орехи надо шелкать по одному месту — самолюбию.

Я на секунду возмущаюсь и перевожу взгляд на Филиппа, и в этот момент он опускает глаза в телефон.

«Прости. Я не мог его не взять. Он бывает очень убедительным».

Я едва заметно улыбаюсь.

— Ничего, — говорю я, снова глядя на Марка. — Я оценила, как ты любишь нагло занимать много пространства.

— Это называется харизма, — отвечает он.

— Это называется отсутствие тормозов.

— Я предпочитаю первую версию.

— Кто бы сомневался.

Он смотрит на меня чуть внимательнее, и в этом взгляде появляется интерес, уже без прежней легкости.

— Слушай, а ты всегда так разговариваешь или это я попал в немилость?

— Ты просто говоришь быстрее, чем думаешь, — спокойно отвечаю я. — Мне приходится компенсировать.

— Это уже звучит как вызов.

Филипп снова пишет. Я читаю:

«Он не остановится».

Я коротко улыбаюсь.

— Так, все, — Марк хлопает в ладоши, словно возвращая разговор в практическую плоскость. — Предлагаю переместиться в машину, пока мы окончательно не ушли в обсуждение характеров и знаков зодиака.

— Ты сейчас переживаешь за астрологию или за то, что разговор начал идти не по твоему сценарию? — спрашиваю я, идя рядом с Филиппом.

— Я переживаю за эффективность, — отвечает он, открывая дверь машины.

— Тогда тебе стоит начать с себя.

Он смеется, и на этот раз без попытки что-то доказать.

— Она мне определенно нравится — говорит и одновременно показывает на пальцах Филиппу.

Я сажусь на заднее сидение машины и рядом со мной опускается Филипп. Какое-то время, которое, честно говоря потеряло для меня бег, мы смотрели друг на друга молча. Неожиданно, он слегка наклонился в мою сторону, поднял руку и осторожно, почти невесомо, заправил выбившуюся светлую прядь волос за моё ухо и наклонил голову на бок.

И в этот момент я отчетливо понимаю, что проблема вовсе не в том, что я думаю слишком много. Проблема в том, что рядом с ним я начинаю думать совсем иначе. Ведь, я же никогда не влюблялась, верно? Скорей всего нет.

Машина выезжает с территории аэропорта, и на секунду возникает странное ощущение, будто все вокруг чуть замедляется — как если бы город не спешил принимать меня обратно, а давал время привыкнуть к мысли, что я снова здесь.

Марк что-то говорит, активно жестикулируя одной рукой, второй уверенно удерживая руль. Я уверенно киваю и улыбаюсь и мой взгляд соскальзывает на Филиппа.

Он сидит рядом спокойно, почти неподвижно, и при этом создается ощущение, будто он все равно включен в происходящее глубже, чем мы оба вместе взятые.

Я чуть поворачиваюсь к нему и тыкаю в плечо.

— Скажи честно, — начинаю я, не до конца понимая, почему задаю именно этот вопрос, когда он поворачивается всем корпусом ко мне. — Ты всегда так смотришь на людей или это какая-то... выборочная история?

Он не удивляется, будто ожидал, что я к этому приду. Опускает взгляд в телефон и печатает чуть дольше обычного.

«После того как я потерял слух, мир стал... более физическим. Я не слышу, но чувствую больше. Людей — тоже».

Я читаю, и внутри что-то чуть сдвигается.

— В каком смысле «чувствуешь»? — уточняю я, уже не отводя взгляд.

Он снова печатает, теперь быстрее:

«Тактильность, движение, напряжение в теле, микромимика. Когда человек говорит, он не только произносит слова. Он выдает себя всем остальным. Я просто... не отвлекаюсь на лишнее. В моем случае на звук. А еще у меня есть вкусы и запахи».

Я невольно усмехаюсь.

— То есть ты сейчас видишь обо мне больше, чем я о тебе?

Он чуть склоняет голову, будто оценивает формулировку, и отвечает:

«Я вижу то, что ты не всегда озвучиваешь. Это не совсем одно и то же».

— Это звучит даже немного опасно, — замечаю я.

Он хмыкает. Я смотрю на него дольше, чем собиралась, и вдруг понимаю, что этот разговор уже вышел за пределы обычного знакомства. И мне не хочется его останавливать.

— И что ты сейчас видишь? — спрашиваю я, почти провокационно.

Он не отвечает сразу. Смотрит. Я смотрю в его бездонные глаза в ответ, не мигая. *Герда, главное не выдай себя.*

«Только то, что ты слишком сдержанная. Твоё лицо не всегда выдает то, что ты на самом деле думаешь или чувствуешь. Я не экстрасенс, Герда. Только наблюдатель. Лучший чем ты».

— Ладно, — говорю я, чуть заметно выдыхая, — это уже похоже на хороший психологический анализ. Ты случайно не подрабатываешь?

— О, нет, — тут же влезает Марк, не упуская момента, — он подрабатывает тем, что сводит с ума девушек одним взглядом. Ты просто попала под раздачу.

— Ты сейчас завидуешь или рекламируешь? — спокойно уточняю я.

— Я сейчас пытаюсь не потерять сюжетную линию, — отвечает он. — Потому что, если вы продолжите в том же духе, я начну чувствовать себя третьим лишним в этой машине.

— По моему ты тормозишь с правильными выводами, — бросаю я, не задумываясь.

Он фыркает, но улыбается.

— Жестоко. Очень жестоко. Я между прочим тебя из аэропорта забрал, а ты вот так сразу...

— Ты это сделал не из альтруизма, — перебиваю я. — А потому что тебе нужно от меня ещё что-то. И потому что ты любопытная журналистская задница. — Я скрещиваю руки на

груди, а Марк заливается смехом. Поворачиваю голову к Филиппу и вижу, как он тоже смеется (видимо прочитал мой выпад по губам) и немного смягчаю нахмуренное лицо. Хотя я и не слышу его смеха, но видеть его широкую улыбку и подрагивающие плечи — любопытно, и я сама невольно начинаю улыбаться.

— Ну, во-первых, не что-то, — он поднимает палец, отсмеявшись, — а как минимум один хороший подкаст. А во-вторых, я умею совмещать приятное с полезным.

— В твоём случае это звучит как угроза.

— В моём случае это звучит как план.

Я качаю головой, но улыбаюсь.

— Ладно, планировщик, давай к делу, пока ты окончательно не ушёл в самопрезентацию.

Он тут же оживляется.

— Вот, это уже разговор. Значит, смотри: ты упомянула в переписке, что позвонила им еще в Норвегии?

— Да, — киваю я. — Как только поняла, что возвращаться туда не собираюсь.

— И что ты им сказала?

— Что больше не готова закрывать глаза на то, что происходит, и что не хочу иметь к этому козлу никакого отношения.

— Прямо так?

— Почти. Формулировки были чуть более... юридически корректными.

Марк усмехается.

— Жаль, я бы послушал первую версию.

— Она не для интервью. — усмехаюсь я.

Я на секунду перевожу взгляд на Филиппа. Он ловит этот взгляд, и я вижу, как чуть меняется выражение его лица — почти незаметно, но достаточно, чтобы это почувствовать.

Телефон снова оказывается у меня перед глазами:

«Ты уже решила, что будешь делать дальше?»

— Пока нет. И, если честно, впервые за долгое время меня это не пугает.

Марк кивает, но уже без шуток.

— Это нормальное состояние, кстати. Самое опасное — когда у тебя есть план, который тебе не нравится, но ты его все равно выполняешь, потому что должен, вопреки желаниям.

Я удивленно смотрю на него.

— Неожиданно.

— Иногда я тоже себя не узнаю, — отвечает он. — Но это редкие моменты, не привыкай.

Мы все на секунду замолкаем, и в машине появляется другая тишина — уже не неловкая, а спокойная, наполненная. Я смотрю в окно, на знакомые улицы, и понимаю, что возвращение оказалось совсем не таким, как я ожидала и тут мне приходит мысль.

— Мне казалось, что две недели назад тебе срочно нужно было мое интервью, потому что твои сроки горели. — Что-то тут не сходится. Филипп что-то жестикулирует Марку, а второй смотрит через зеркало заднего вида и смеется. Только вот Филипп... что? Возмущается?

— Что Филипп говорит? — Марк секунду думает.

— Может, когда-нибудь узнаешь. — Подмигивает он, а я сижу в недоумении.

Машина катится по набережной, а я смотрю в окно на знакомый до боли Петербург. Сфинксы, Академия художеств, Нева — тяжёлая, чёрная, в огнях. Две недели назад я вылетала отсюда в Норвегию, думая, что вернусь к той же жизни, к тому же бесконечному бегу по кругу. А вернулась — и всё изменилось. Или изменилась я?

Марк что-то рассказывает о своей статье, размахивая руками, но я слушаю вполуха. Взгляд всё время возвращается к Филиппу.

Он сидит рядом, положив одну руку на колено, другой придерживает подбородок, и смотрит куда-то вдаль. Пользуясь моментом, я разглядываю его точеный профиль, длинные пальцы, одежду. Не могу оторваться.

Машина резко тормозит, и внутренности делают кульбит. Марк вдруг хлопает себя по лбу и говорит:

— Точно! Я же обещал кофе. Вы тут посидите, я быстро.

Он выскакивает, не дожидаясь ответа, и я остаюсь с Филиппом наедине. Тишина в салоне становится плотной, почти осязаемой. Я чувствую, как колотится сердце, и ненавижу себя за это.

Филипп поворачивается ко мне, и в полумраке его глаза кажутся почти прозрачными. Он достаёт телефон, печатает — экран светится в его руках.

«Ты устала? Я заранее попросил Марка на обратном пути взять нам кофе».

Я читаю и качаю головой:

— Оу, я... спасибо. Очень любезно с твоей стороны. Но я совсем не устала.

Он чуть склоняет голову, и я вижу, как на губах появляется легкая усмешка. Он снова печатает.

«Ты очень милая, когда смущаешься».

Я заливаюсь краской ещё больше, а Филипп улыбается шире и снова печатает. Я останавливаю его и показываю на свои губы:

— Ну нельзя же так делать.

Он печатает.

«Как?»

— Вот так просто говорить такие... такое...

Я смотрю, его забавляет моя реакция. Он усмехается и печатает.

«Теперь я точно знаю, что буду делать каждый раз».

Ах ты... ах... что... да как такое... да чтоб тебя. Я вижу, как Филипп начинает смеяться, и слышу... что? Что-то похожее на тихий рокот. Мои глаза округляются, и Филипп это замечает. Он тут же перестаёт смеяться и отворачивается к окну.

— Там очередь была, представляете? В десять вечера! Хотя чего я удивляюсь, вечер субботы! — Марк раздаёт кофе, и я беру свой, радуясь паузе. Нужно перевести дыхание.

Кофе обжигает, и я морщусь. Филипп медленно поворачивается ко мне, и в его взгляде я вижу... вину? За что?

Марк отпивает свой кофе и вдруг говорит:

— А давайте я вас тут высажу. Погода шикарная, Нева, романтика. А я поеду, мне ещё материал перепроверять до утра.

Я не успеваю возразить. Филипп уже кивает, открывает дверь и выходит, обходя машину, чтобы открыть мою. Марк подмигивает мне в зеркало заднего вида:

— Не благодари. И присмотри за ним, он у меня слишком серьёзный, когда надо расслабиться.

— Я вообще-то не... но...

Не успеваю я возразить, как дверь открывается и Филипп протягивает руку в привычном жесте. К этому можно привыкнуть. Улыбаясь своим мыслям, вкладываю свою руку в его тёплую ладонь и вылезаю из машины.

Мы стоим на тротуаре. Я прижимаю к груди стакан с кофе и чувствую, как горят щеки. Рядом — Филипп. Он смотрит на меня сверху вниз (даже моим ста семидесяти пяти сантиметрам на каблуках не удалось с ним сравняться), и я понимаю, что нужно что-то сказать, что-то сделать, но мысли куда-то разбежались и помахали ручкой. *Предатели!*

Он делает шаг ко мне и протягивает руку. Снова. Не настойчиво, не требовательно — просто предлагает, будто спрашивает: «Можно?»

Я смотрю на его ладонь. Широкую, с длинными пальцами, серебряное кольцо тускло блестит в свете фонарей. И я вдруг вспоминаю, как эти пальцы заправляли прядь волос за моё ухо в машине. Как лежали на кружке с кофе в кафе. Как двигались, когда он печатал на телефоне.

Я вкладываю свою руку в его. Он сжимает пальцы — спокойно, уверенно, но без той настойчивости, которая бывает у парней, когда они пытаются заявить свои права. Просто держит. И мы идём.

Нева шумит где-то внизу, за гранитным парапетом. Вода чёрная, тяжёлая, в ней отражаются огни набережной и Литейного моста, и эти отражения дрожат, распадаются на тысячу осколков и собираются снова.

— Здесь красиво, — говорю я, чтобы сказать хоть что-то. — Я редко бываю на этой набережной. Всё больше Васильевский, а тут...

Замолкаю, потому что не знаю, что сказать дальше.

Филипп не отвечает. Он просто идёт рядом, его пальцы всё так же сжимают мои, и я чувствую тепло его ладони. Он не смотрит на Неву, не смотрит на огни. Он смотрит то на дорогу, то на меня.

Я ловлю себя на том, что начинаю говорить быстрее, чем нужно, будто боюсь, что если замолчу, станет неловко.

— В Норвегии было... невероятно. Ты не представляешь. Мы ездили к водопаду, и вода была такая холодная, что у меня перехватывало дыхание. А потом мы ходили к леднику. Воздух в Норвегии потрясающий. Прозрачный. Как хрусталь.

Он смотрит на меня, потом залпом выпивает кофе, выбрасывает пустой стаканчик в урну и берёт телефон.

«Хотел бы я подышать этим воздухом. Что тебе ещё понравилось?»

— Горы, — добавляю я тише. — Мы поднимались на смотровую площадку, и я смотрела вниз, на фьорд, и думала: как же я раньше не приезжала? Столько лет папа звал, а я...

Я не договариваю. Потому что дальше нужно было бы сказать: «А я боялась. Боялась, что если уеду, то потеряю связь с мамой окончательно. Что если впущу в свою жизнь что-то новое, то старое перестанет иметь значение». Но это слишком личное. Слишком откровенно для первого... для чего? Для первого свидания? Мы же на свидании?

Он останавливается. Я тоже. Мы стоим у парапета, его рука всё ещё держит мою, и я вдруг замечаю, что его большой палец медленно водит по тыльной стороне моей ладони. Легко, почти невесомо. Как будто он не уверен, что ему позволено, но не может остановиться.

И от этого прикосновения по коже бегут мурашки.

Он опускает глаза на наши руки, потом поднимает на меня, и в его взгляде я читаю что-то... нежность?

Он печатает одной рукой, не отпуская мою, и я читаю:

«Я вижу, что тебя что-то тревожит, и очень хотел бы узнать что именно, но сейчас главное, что ты вернулась».

Я смотрю на экран, и внутри что-то переворачивается. Не больно, нет — будто расправляются крылья, которые я держала сложенными так долго, что забыла, что они есть.

— Да, — говорю я тихо. — Вернулась.

Мы идём дальше. Я рассказываю про Нанну и Эрика, про то, как училась печь лефсе, про сыроварню и про сладкий сыр, от которого я сначала морщилась, а потом съела три куска. Он слушает — не перебивает и не задаёт вопросов. И я понимаю, что он из тех людей, которые умеют быть здесь, в моменте. Полностью. Не отвлекаясь на телефон, не прокручивая в голове свои дела, не придумывая, что ответить. В наше цифровое время — это редкость.

Он смотрит, как я рассказываю про горы, и улыбается уголком губ. Он не спрашивает про работу в Dior, не пытается намекнуть на фотосессии, не интересуется, сколько я зарабатываю. Ему интересна я. Та, которая стояла под водопадом и замёрзла до костей. Та, которая ела самый вкусный яблочный пирог. Та, которая сейчас стоит перед ним, чувствует его пальцы на своей руке и не знает, что с этим делать.

— Филипп, — говорю я, когда мы доходим до Литейного моста. — Почему ты отвернулся от меня в машине?

Он смотрит на меня и едва заметно напрягается.

— Прости, я-я... просто... я не поняла твоей реакции.

Он поднимает свой взгляд к моему и смотрит с нескрываемым любопытством. Потом печатает на телефоне. Чёлка падает ему на глаза, и у меня тут же чешется рука поправить её. А еще чешется язык спросить откуда у него на лбу шрам.

«Если без подробностей, то мне неловко от своего смеха с голосом. Марк говорил мне, что он похож на гогот страуса».

Я читаю и хмурюсь:

— Твой Марк может идти лесом, потому что это неправда. Но мне интересно другое: ты можешь говорить?

Филипп усмехается и строчит в телефоне.

«Это долгая история, и, возможно, ты когда-нибудь узнаешь её, но если вкратце, то я умею разговаривать».

— Но... а как...

«А сейчас я хочу просто погулять. С тобой».

Я всё понимаю, киваю, и мы идём дальше. Погуляв еще полчаса, решаем, что уже поздно и надо двигаться ближе к дому. Он предлагает проводить меня, и я не отказываюсь — расставаться совсем не хочется. Предлагаю сесть на автобус. Он согласно кивает, и мы сворачиваем к остановке.

Автобус приходит почти сразу. Мы заходим, и я иду к задней площадке, где меньше людей. Филипп идёт за мной, и я замечаю, как он смотрит по сторонам, оценивая пространство. Он встаёт у поручня лицом к салону, я встаю напротив.

Автобус трогается, меня качает, я хватаюсь за поручень. Филипп на мгновение касается моей спины — поддерживает, но тут же убирает руку, будто боится, что это будет слишком.

Я смотрю на него в тусклом свете автобуса. Он стоит близко, но не в моём личном пространстве. Он смотрит на меня, и в его зеленых глазах я вижу что-то, что заставляет сердце биться чаще. Не настойчивость, не желание обладать — а что-то другое. Более глубокое. Более тихое. Я чувствую запах его духов — что-то апельсиновое, терпкое, крышесносное. Я подавляю в себе желание прижаться к нему.

Я отвожу взгляд и смотрю в окно. Город проплывает мимо — витрины, фонари, редкие прохожие. Я чувствую его взгляд на своём затылке, на щеке, на руке, которая держится за поручень.

На какой-то остановке в автобус заходит компания парней, они громко разговаривают. Занимают все сиденья спереди, и в салоне становится шумно. Я смотрю на Филиппа, проверяя, как он. Он спокоен. Лицо ничего не выражает, но я вижу, как он следит за ними — за их губами, за жестами. «Герда, он же не какая-то цирковая зверушка», — проскальзывают в голове слова Нанны, и я поспешно отвожу глаза. Мне становится немного грустно. Не от жалости — я ненавижу, когда меня жалеют, и уверена, что он тоже. А от того, что я никогда не узнаю, как звучит его голос. Как он смеётся. Как говорит моё имя.

Я поднимаю на него глаза, и он смотрит на меня, и в этот момент я забываю, что мы в автобусе, что вокруг люди, что уже поздно и ноги ноют от ходьбы на высоких каблуках.

Я просто стою и смотрю в его красивые глаза, обрамленные темными ресницами и густыми бровями, и мне кажется, что я могу смотреть так вечность.

Автобус дергается на светофоре, меня снова качает. На этот раз его рука ложится мне на талию — увереннее, чем в прошлый раз, но все еще осторожно, будто он проверяет границы. Я чувствую тепло его ладони через ткань водолазки, и по спине пробегает дрожь.

Я не отстраняюсь. Он убирает руку, когда автобус выравнивается, и внутри меня разливается разочарование.

Мы выходим на Василеостровской, и я вдруг осознаю, что мы уже почти у моего дома.
Мозги почти расплылись, молодец, Герда.

— Я здесь живу, — говорю я, показывая на угловой дом, к которому мы подошли. — Спасибо, что проводил.

Он кивает и мы стоим не зная, как попрощаться. Обычно парни в такой ситуации либо лезут обниматься, либо пытаются поцеловать, либо сразу пропадают. Он просто стоит, смотрит на меня и улыбается — той своей легкой, чуть ироничной улыбкой, которая делает его одновременно дерзким и уязвимым. И вдруг его взгляд меняется со скоростью света. Этот взгляд выбивает почву из-под моих ног. Он приближается и поднимает руку. Сначала осторожно гладит мои волосы сзади — я чувствую, как по затылку побежали мурашки, — а потом перемещает руку на мою щеку и гладит лицо подушечкой большого пальца. Я стою и не могу пошевелиться. Потом он так же внезапно отстраняется и одними губами произносит: «Спокойной ночи» — и жестикулирует. Тут же его взгляд меняется на привычный, ласковый, а я вспоминаю, что вообще-то нужно дышать.

— Это «спокойной ночи» на жестовом? — хриплым голосом выдыхаю я глупость, лишь бы замаять неловкость.

Он кивает, и я улыбаюсь. И тут меня как будто по голове ударили.

— О боже, — я хватаюсь за голову. — Мой чемодан!

Смотрю на Филиппа, и он, кажется, уже всё понял. Он печатает, и я читаю:

«Остался в моей машине».

— Блин, — я закрываю глаза рукой. — Я такая идиотка. Там все вещи, паспорт, косметика...

Он печатает, и я вижу, как его пальцы летают по экрану:

«Я сейчас напишу Марку. Он привезет завтра. Или я сам привезу, если хочешь».

— Нет-нет, — я качаю головой. — Не надо, я сама...

«Герда», — он показывает мне экран, и моё имя на нём выглядит... по-особенному. Будто он вложил в эти буквы что-то, чего не говорят вслух.

Я смотрю на него, и он смотрит на меня, и в этот момент я понимаю: он не такой, как все. И мне страшно. Не от того, что он глухой, а от того, что он другой. Что он видит меня настоящим. Что он не пытается ничего получить. Что он просто... здесь. Со мной.

— Ладно, — говорю я тихо. — Пусть привезёт. Или ты. Как удобно. — Заикаюсь я, лишь бы побыстрее сбежать от... чего? От своих мыслей рядом с ним? От него самого?

Он кивает, и я наконец открываю дверь. Оборачиваюсь на пороге:

— Спокойной ночи, Филипп.

Он смотрит на меня и улыбается. Затем кланяется в реверанс — это выглядит смешно и мило.

Дверь закрывается, и я прислоняюсь к стене в подъезде, чувствуя, как колотится сердце.

Я не влюбилась. Я просто... встретила кого-то, кто не пытается меня обмануть. Кто не видит во мне картинку. Кто смотрит так, будто я — целая вселенная, которую он хочет изучить.

И от этого кружится голова.

Я поднимаюсь в квартиру, переодеваюсь, ложусь в кровать и смотрю в потолок. В голове прокручивается весь сегодняшний день: встреча в аэропорту, его рука, его взгляд, его пальцы,

медленно скользящие по моей ладони. Как он слушал про Норвегию. Его рука на моей талии, на щеке. Как смотрел на прощание.

Телефон вибрирует на тумбочке. Я хватаю его, надеясь увидеть сообщение от него, но это Марк:

«Герда, твой чемодан в машине. Фил сказал, что завтра привезет. Или я. Короче, не потеряется. Сладких снов!»

Я пишу:

«Спасибо, Марк. И тебе».

И тут же новое сообщение. На этот раз от Филиппа:

«Я сам завтра привезу чемодан, если ты будешь дома. Если нет — оставлю у консьержа».

Я смотрю на экран и улыбаюсь. Пишу:

«Завтра я дома. Привози. И спасибо за вечер».

«И тебе. Спокойной ночи, принцесса».

«Спокойной ночи, Филипп».

Я откладываю телефон, переворачиваюсь на бок и смотрю в окно. За стеклом — ночной Питер, фонари, крыши.

Я закрываю глаза и вижу этот прощальный реверанс, переворачиваюсь лицом в подушку и пишу как полоумная.

Глава 6

Герда

Звонок в дверь врывается в мой сон, как топор по стеклу.

Я даже не сразу понимаю, где я. Подушка, одеяло, сбившаяся простынь — всё это удерживает меня в каком-то полусне, где я только что стояла под водопадом в Норвегии, а рядом смеялся Филипп.

Звонок повторяется.

— Иду, — хриплю я, хотя меня всё равно не слышат.

Я сползаю с кровати, натыкаюсь на угол тумбочки, чертыхаюсь сквозь зубы и шаркаю к двери босыми ногами. В голове — вата. Спала я, кажется, всего ничего. Вчера вернулась, рухнула и даже не разобрала чемодан. Спасибо Марку, который привёз его... хотя нет, это должен был сделать Филипп. Но он же сказал, что сам привезёт. Завтра. То есть сегодня. Погодите, мне не привозили чемодан...

Я распахиваю дверь, и тут же хочу провалиться сквозь землю.

На пороге стоит Филипп.

В светлых джинсах, в простой темной футболке, с легкой курткой на плечах. Рядом — мой чемодан. На ногах — те самые кеды, что были на нём в кафе.

Он смотрит на меня с лёгкой улыбкой, которая тут же становится чуть шире, когда он видит меня.

Я представляю, как выгляжу. Волосы — отдельное произведение искусства, вдохновенное, ураганом. Один глаз почти не открывается, на щеке след от подушки, а на мне — старая растянутая футболка с диснеевскими принцессами, которая давно просится на тряпки, а внизу — одни трусы. Черт!

Я хватаюсь за голову, пытаюсь пригладить волосы, но они, как назло, встают дыбом с новой силой (это я замечаю краем глаза на зеркале за спиной Филиппа), потом пытаюсь припустить футболку, но понимаю, что поздно пить боржоми.

Филипп спокойно наклоняет голову вбок и изучающе разглядывает меня. Во рту все пересыхает, потому что опять я вижу тот самый темнеющий взгляд. Тот самый, который был вчера вечером, когда он гладил мою щеку.

Он достает телефон из кармана джинсов и печатает одной рукой.

«Привет», — пишет он на телефоне.

«Я встретил соседку с кошкой, сказал, что мне нужна Герда. Она открыла дверь, сказала, что я могу подниматься на третий этаж». — *Ну спасибо, тетя Тамара.*

Он опять печатает:

«Но если бы я никого не встретил, я бы сидел и ждал, пока ты ответишь на мое сообщение».

Я смотрю на него, хлопая глазами. Мозг отказывается соображать.

Филипп.

Стоит в моей прихожей.

С моим чемоданом.

Смотрит на меня с этим своим спокойствием, и я вдруг остро ощущаю, что у меня даже нет лифчика. Под футболкой с принцессами. Господи, как же ужасно я выгляжу сейчас!

— У тебя что, своих дел нет? — выпалила я резче, чем хотела. Голос звучит грубо, даже для меня самой. — Почему у тебя привычка будить меня с самого утра?

Филипп замирает. Его улыбка гаснет, и я вижу, как его лицо становится спокойным — тем самым ничего не выражающим спокойствием. Он слегка хмурится, будто понимает, что перегнул палку. Я вижу это. И меня накрывает волной стыда.

Он же привёз мой чемодан. Он встал рано, нашел время, приехал черт знает с какого конца города. А я... я стою тут, нечесаная, и набрасываюсь на него, потому что мне стыдно за свой внешний вид?

Герда, как низко ты пала.

— Прости, — выдыхаю я, чувствуя, как горят щеки. — Прости, это я... дура. Я не хотела. Просто...

Я запинаясь, потому что не могу сказать «просто я выгляжу как пугало и мне неловко, что ты это видишь».

— Проходи. Пожалуйста. Я сейчас сделаю чай. Или кофе. У меня есть и то и другое.

Он стоит, глядя на меня с какой-то осторожностью. Мне хочется провалиться сквозь землю. Как вообще можно было такое ляпнуть?

Он отрицательно качает головой, жестикулируя: мол, нет-нет, я пойду.

Я вижу, как он делает шаг назад, и что-то во мне взрывается. Я не хочу, чтобы он уходил. Не после того, как я так дурацки себя повела.

Я вылетаю в коридор с босыми ногами, перекрывая ему путь. Сама не знаю, что делаю. Просто встаю в дверном проеме, опираюсь плечом о косяк и скрещиваю руки на груди. Смотрю на него хмуро, но, кажется, в моём взгляде читается что-то ещё, потому что он останавливается и поднимает бровь.

Я тыкаю пальцем на свою квартиру.

— Заходи, — говорю я почти требовательно. Но тут же спохватываюсь и добавляю тише: — Пожалуйста. Правда. Я... я не хотела быть грубой. Просто... не ожидала тебя увидеть. В такое время. Но я рада. Правда.

Он смотрит на меня с прищуром, и я вижу, как лёгкая усмешка возвращается на его лицо. Он кивает, перешагивает порог, и я наконец, выдыхаю.

Он заходит в коридор, оглядываясь. Я закрываю дверь и чувствую, как сердце колотится где-то в горле.

— Я сейчас, — бормочу я, сбегая в спальню, пытаюсь прикрыть пятую точку.

Я быстро натягиваю шорты и свежую футболку, пытаюсь хоть как-то причесаться пальцами. Смотрю на себя в зеркало — вид всё равно тот ещё. Но хотя бы теперь я не выгляжу как персонаж фильма ужасов.

Когда я возвращаюсь в коридор, Филипп все еще стоит там. Чемодан он оставил у стены. Я замечаю, как его взгляд скользит по стенам, по дверям, по всему, что можно увидеть из прихожей.

— Проходи, не стой, — говорю я, показывая в сторону гостиной.

Он стягивает кеды, наступая на пятки носками и проходит, и я иду за ним, наблюдая, как он входит в комнату. Я уехала две недели назад. Вернулась вчера вечером, рухнула спать, даже не включила свет в комнате. Но, в общем-то, здесь более-менее прилично. Если не приглядываться.

Пыль на подоконнике и на полках — да, можно было бы и протереть, и пропылесосить тоже не помешало бы, но катастрофы нет.

Филипп проходит стеллаж с книгами и подходит к комоду, на котором стоят фотографии в рамках. Я подхожу ближе, мне вдруг становится любопытно, что он увидит (а то я же не знаю что там стоит).

Первая — я с мамой. Мне там лет пять или шесть, мама сидит под большим железным грибом на детской площадке, я залезла ногами на сиденье и обнимаю ножку гриба. Моя люби-

мая фотография. Мама здесь такая молодая, с длинными волосами и светлых джинсах. Эти дни почти стерлись из памяти — остались мелкие обрывки.

Филипп смотрит на неё долго, потом переводит взгляд на другую. Свадебная фотография родителей. Папа в костюме, мама в простом белом платье, они стоят на фоне какого-то старого петербургского двора и смотрят друг на друга так, будто весь мир существует только для них двоих.

Третья — я на выпускном в университете. В облегающем черном платье, с дипломом в руках, серьезная и немного растерянная. Я помню этот день. Помню как позже рыдала в подушку, что мама не увидела меня с дипломом.

Филипп склоняет голову, рассматривая фотографии. Я стою рядом, переминаясь с мысков на пятки, и чувствую, как он читает мою жизнь, фотографию за фотографией. И, почему-то мне не страшно.

Он оборачивается и показывает мне телефон:

«Красивая. И мама у тебя красивая».

— Да, — говорю я тихо. — Она была... удивительная. — Он смотрит на меня с пониманием и отворачивается.

Он ещё раз смотрит на фотографии, потом отходит к окну. Я вдруг замечая пыль на комод, на подоконнике, и чувствую легкий укол совести.

— Ты не будешь против, если я быстренько протру пыль? — спрашиваю я. — Я быстро. Пока ты здесь... рассматриваешь. Можешь посмотреть книги, ну, если они тебе интересны.

Филипп качает головой — мол, конечно, не против.

Я иду на кухню, открываю нижний шкафчик, достаю тряпку. Возвращаюсь в гостиную, и в тот момент, когда я уже собираюсь начать, он вдруг подходит ко мне сзади, вплотную. Я чувствую его тепло всем телом. Чувствую свежий запах геля для душа и апельсиновые нотки. По спине и рукам поплыли предательские мурашки. Я было, хотела развернуться, но он протягивает руку и мягко выхватывает тряпку у меня из рук. Я разворачиваюсь с недоуменным лицом.

— Что ты... — начинаю я, но он уже показывает на тряпку, потом на себя. Я смотрю на него, не понимая.

— Нет, — говорю я, качая головой и посмеиваясь. — Нет-нет, ты не будешь убираться у меня в квартире.

Он достает телефон из кармана и начинает печатать. Я жду, чувствуя, как во мне поднимается какое-то странное, почти детское возмущение.

«Я хочу помочь. Здесь нет ничего такого. Давай вместе. Быстрее будет».

Я читаю и не знаю, что ответить. С одной стороны, мне ужасно неловко. С другой — он стоит передо мной, держит эту тряпку и смотрит так, будто для него это самое обычное дело в мире.

— Ладно, — сдаюсь я.

Он кивает, и мы начинаем. Я беру вторую тряпку, и мы молча двигаемся по комнате. Он протирает подоконник, я — полки. Он — комод, я — журнальный столик. Работаем быстро, слаженно, будто делали это уже сотню раз.

Я украдкой наблюдаю за ним, закусывая губу. Он двигается спокойно, без суеты, аккуратно обходит рамки с фотографиями, не сдвигая их с места. И мне становится тепло от того, что он здесь. В моей квартире. Я засматриваюсь на его большие и аккуратные ступни в коротких белых носках, на косточки на щиколотках (на красивые мужские ноги у меня тоже фетиш, и что вы мне сделаете?). А еще, это чертовски сексуально. Поверьте мне на слово.

Через десять минут мы заканчиваем. Я оглядываю комнату — стало заметно свежее. Я бегу к окну и распахиваю настежь форточку, потому что резко стало нечем дышать. Потом поворачиваюсь к Филиппу, который наблюдал за мной все это время. Черт.

— Спасибо, — слегла запинаясь я. — Правда. Не ожидала... что ты будешь мне помогать убираться.

Он пожимает плечами и берет телефон с комода:

«Мне не сложно. И потом, стало легче дышать».

Я улыбаюсь и смотрю на него. На его светлые волосы, которые снова падают на лоб. На спокойное, внимательное лицо.

— Филипп, — говорю я, чувствуя, как внутри поднимается какая-то новая, непривычная смелость. — Я обещала завтрак. Пойдём на кухню? У меня там... ну... кофе вкусный.

Он кивает, и я иду вперёд, чувствуя его шаги за спиной. На кухне я включаю кофемашину, достаю две чашки.

— Садись, — говорю я, показывая на маленькую барную стойку у окна.

Он садится, и я вожусь с кофе. Руки немного дрожат — то ли от недосыпа, то ли от того, что чувствую пристальное внимание на макушке.

Я ставлю перед ним чашку, себе — вторую. Делаю глоток и начинаю доставать ручной миксер и все ингредиенты.

— Прости ещё раз, — говорю я, глядя куда-то сквозь кухню. — За то, как встретила. Я просто... не выспалась. И не ожидала. Думала, ты приедешь днём или вечером.

Он смотрит на меня, потом печатает:

«Ты тоже прости меня, что так внезапно нагрел и разбудил».

— И это... ничего. Даже хорошо. Надо входить в режим после отпуска. Надеюсь, ты никуда не спешишь?

Он поднимает одну бровь как будто спрашивая — что ты имеешь в виду?

— Ну, вдруг тебе куда-нибудь срочно нужно бежать. Хочу сделать панкейки. Я их так люблю и пеку всегда больше, чем могу съесть. Будешь? — Господи, что я несу? Провалиться мне сквозь землю и не вылезать оттуда никогда.

Филипп смотрит на меня поверх своей чашки. Его пальцы обхватывают фарфор, и я замечаю на них то же серебряное кольцо.

«Я никуда не спешу».

Я выдыхаю и кажется, произношу что-то наподобие «хихик». Хорошо, что он не слышит моего позора. И чувствую, как напряжение, которое держало меня с самого утра, начинает понемногу отпускатся.

Я стою у плиты, иногда смотря, как он макает панкейк в сгущенку и прикрывает глаза от удовольствия. На душе становится тепло и трепетно. На кухне стоит тишина, иногда прерываемая звуками готовки, и в ней нет ничего неловкого — только свет, заливающий кухню, запах кофе, сладкой выпечки и его присутствие.

Я сажусь напротив и принимаюсь за свой завтрак.

«Я же сказал что ты из рода принцесс»

Я хмурюсь, не совсем понимая о чем он, а потом как понимаю. Моя утренняя футболка. Он ее запомнил. Блеск.

— Знаешь, а я ведь действительно мечтала о жизни принцессы, — вздыхаю я, смотря на свои пальцы, в которых зажат панкейк. — Я выросла на «Золушке» и... на «Красавице и чудовище». И на других подобных мультика про красивых принцесс, прекрасных принцев и хеппи эндах. Вот, только те части, где им приходится проходить испытания — я не учла. — Филипп двигает по столу свой телефон.

«Ты про карьеру модели?»

— Очень громко сказано — карьера. Когда объявили кастинг о наборе моделей для Dior, я тут же отправилась на него, с восторгом, с предвкушением. Я была на последнем курсе универа и верила что вот он, мой путь. Я представляла как буду сниматься в рекламе как Шарлиз Терон или ходить по подиуму как Белла Хадид. Как зал будет смотреть на меня с восхищением

и одобрением. — Я отпиваю остывший кофе и поднимаю взгляд на Филиппа, который ловит каждое мое слово.

— Реальность оказалась намного жестче. Чтобы пробиться на подиум и стать амбассадором, нужно пройти очень тернистый путь. Для начала найти нормального агента — не мошенника. С этим пунктом мне не повезло.

Филипп молчит, только отодвигает чашку в сторону, давая понять, что весь во внимании.

— Первый агент забрал мои фотографии и пропал. Второй... второй оказался тем ещё умельцем. Он организовал съемки, взял деньги вперед, а я, как наивная идиотка повелась... ну и тоже провалился сквозь землю. Потом был третий, который просто сказал: «Ты симпатичная, но на подиум не потянешь. Снимайся в каталогах, бери, что дают».

Я кривлю губы, вспоминая, как это прозвучало тогда. Будто пощечина.

— Но я же упертая. Думала: докажу. Начала ездить на кастинги сама. Москва, Питер, на два дня в Казань срывалась. Иногда по три кастинга в день в Волгограде, в Нижнем Новгороде, с одним бутербродом в кармане, потому что некогда и потому что модели полагается быть стройной, а мои параметры всегда были «на грани». Я тогда почти не ела. Кофе утром, вода в обед, если повезёт — овощи на ужин. Депрессии, нервные срывы... сейчас вспоминаю — и страшно становится. А тогда казалось, что это просто плата за мечту.

Филипп смотрит внимательно. Я вижу, как его пальцы на столе чуть заметно сжимаются, но он не перебивает.

— Съемки были и есть. Иногда неплохие. Даже несколько раз для онлайн глянца. Я видела свои фото на страничках сайтов, и думала: ну вот, ещё чуть-чуть, и меня заметят. Но дальше этого «чуть-чуть» не заходило. Я оставалась в базе, мне звонили, когда нужна была «девушка с симпатичным лицом для фона» или на подмену. Я соглашалась. Потому что отказываться нельзя, если хочешь, чтобы о тебе помнили. Денег с этого... хватало на съёмную квартиру и еду. Если повезёт — ещё и на проезд оставалось.

Я усмехаюсь и кручу пустую чашку в руках.

— А ещё, на пути очень много людей, которые ждут, когда ты споткнешься и полетишь куборем. Девушки-модели — это отдельная вселенная. Снаружи они все улыбаются и говорят «какая ты красивая», а внутри всей кухни — постоянная конкуренция. Я не раз ловила на себе взгляды, которые говорили: «Куда ты лезешь? Твоё место — в каталогах дешевого белья». Я делала вид, что не замечаю. Но однажды мне подсыпали что-то в кофе перед важными съемками. Меня тогда пол дня выворачивало наизнанку, а одна «подруга» смотрела на меня с таким искренним сочувствием, что меня тошнило уже от её жалости.

Филипп поднимает бровь. Я киваю.

— Да. И такое бывает. Парни, кстати, не отставали. Одни — сценаристы и фотографы — сразу давали понять, что дорога на подиум лежит через их колени. Другие были вроде бы нормальными парнями, пока я не узнавала, что они встречаются или встречались с кем-то из тех самых девиц, которые меня терпеть не могли. Я так и не поняла, то ли это была подстава, то ли просто... им было всё равно, кто я. Главное, чтобы красивая девочка была рядом.

Я делаю глубокий вдох.

— В какой-то момент я поняла, что не пройду дальше. Не потому, что некрасивая или бездарная. Просто у меня не хватило... цинизма, что ли. Или наглости. Или готовности переступить через себя или через кого-то. Я не хотела быть частью этого. Не хотела каждое утро просыпаться с мыслью, кому сегодня нужно угодить, кого обойти, чью ногу поцеловать или на чьих коленях попрыгать, чтобы получить те самые софиты и аплодисменты.

Я смотрю на Филиппа и вижу, что он слушает так, будто каждое слово отпечатывается у него где-то глубоко внутри.

— Я нашла вторую работу. Помощник юриста. По сути ассистентка. Поддай-принеси-распечатай. Там никто не спрашивал, сколько я вешу и с кем я сплю. Просто работа. И никто не

пытался подставить. И... я втянулась. Но и тут — сомнительные встречи, бумаги проектов не по профилю... Съёмки остались, но я перестала за них держаться. Как перестала держаться за мечту о подиуме.

Филипп берет телефон. Я смотрю, как он печатает, и почему-то боюсь того, что он напишет. Боюсь жалости. Боюсь, что он скажет что-то вроде «ты сдалась».

«Ты прилетела из Норвегии на частном самолете. Я не спрашивал, но... это как-то не вяжется с твоей историей».

Я усмехаюсь. Господи, ну конечно. Мини-джет, дорогостоящая поездка. Он же не идиот.

— Это самолёт моего отца. Не мой. У него есть финансовая компания. Он акционер, что-то в этом роде. Я никогда особо не вникала. Когда мама... когда ее не стало, мы долго приходили в себя. И потом, у него появилась новая семья, другая жизнь. Они очень хорошие, но я не смогла уехать. — Я запинаясь. Потом вздыхаю и продолжаю.

— Я не люблю брать у него деньги. Только в совсем крайних случаях. И этот отпуск... — я отвожу взгляд, потому что говорить об этом неловко. — Это был подарок. Он сказал: «Ты слишком много работаешь, возьми билет, отдохни». Я не хотела сначала, но он настоял. И я... согласилась. Потому что очень хотела увидеть фьорды, увидеть папу.

Филипп кивает. Медленно, будто укладывает услышанное в какую-то свою внутреннюю систему координат.

«Я понимаю. Про деньги. У меня тоже были времена, когда легче было не брать, чем брать и чувствовать себя должником».

Я смотрю на него с легким удивлением.

— Да, — выдыхаю я. — Именно. Должником. Я не хочу, чтобы кто-то думал, будто я... не знаю... живу за чужой счёт. Поэтому я сама снимаю квартиру, сама плачу за всё. Съёмки приносят неплохой доход, если считать по меркам обычной жизни. На жизнь хватает. Даже на маленькие радости иногда остаётся. Просто... это не та жизнь, о которой я мечтала. Но я перестала себя жалеть. Честно. Научилась отбиваться от всего этого дерьма.

Я поднимаю на него глаза, и в его взгляде нет ни жалости, ни снисхождения. Только какая-то тёплая внимательность, от которой у меня снова начинает щипать в носу.

Филипп снова берёт телефон. Печатает чуть дольше, будто подбирает слова.

«Ты говорила, что выросла на сказках, где были испытания, которые нужно пройти. Может, ты уже прошла свою часть испытаний и скоро все изменится, а принц где-то задерживается в пробке. Или ищет нужный этаж».

Я читаю и сначала просто моргаю. Потом смеюсь. Выходит хрипловато, но искренне.

— Очень тонкий намек.

Он пожимает плечами, но я вижу, как в уголках его глаз собирается лёгкая усмешка.

«Стараюсь. Но насчёт твоей мечты — не сдавайся». — Он задумывается, потом пишет, потом стирает последнее слово и пишет заново, — «...ты светишься, когда рассказываешь про все это».

Я смотрю на экран, и внутри у меня что-то переворачивается. Теплое, щемящее, совсем неожиданное.

— Правда?

Он кивает.

«Ты говоришь иначе. Быстрее. И улыбаешься не так, как когда говоришь про что-то другое».

Я опускаю взгляд в пустую чашку, пытаюсь понять куда деть этот ком в горле.

— Спасибо, — говорю тихо. — Правда. Мне... мне никто такого не говорил.

Филипп молчит. Я чувствую, как его взгляд касается моего лица, и мне становится легко. Как будто я скинула что-то тяжелое, что тащила на себе очень долго.

— Знаешь, — поднимаю я голову, и улыбка выходит сама собой, — а панкейки получились вкусные.

Филипп смотрит, усмехается, и печатает:

«Я требую добавки»

Глава 7

Филипп

Снова тот же сон. Я сижу на кровати и сердце колотится где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев. Я чувствую каждый удар — тяжелый, сбивчивый, будто сердце пытается вырваться из грудной клетки. Цепочка прилипла к спине, простыня подо мной мокрая, на лбу холодный пот, и капли его скатываются по вискам к ушам.

Я тяжело дышу, и смотрю на свои руки. На них нет крови. Только дрожь, которая никак не унимается.

Чёрт.

Я провожу ладонью по лицу, стирая пот, пальцами приглаживаю мокрую челку назад и пытаюсь выровнять дыхание. Сердце все еще стучит где-то в горле, не желая успокаиваться.

Мысли, словно смутные обрывки мелодии, кружатся в голове, не находя выхода. Я поднимаюсь с постели и сажусь за письменный стол, на ощупь отыскивая в беспорядке органайзера нужное. Почти исписанная альбомная тетрадь уже лежит передо мной, и едва перо касается бумаги, как слова перестают принадлежать мне. Они льются на страницу сами — из глубины мыслей, из кончика перьевой ручки, превращая тишину комнаты в звучание того, что так долго искало выхода.

Через некоторое время замечаю краем глаза, как дверь открывается, и в проеме появляется Марк. Он в старой футболке и домашних штанах, взъерошенный, явно только поднялся с кровати. В свете коридора, падающем в мою скрытую в полумраке комнату, его лицо выглядит обеспокоенным, хотя он пытается этого не показывать.

Я смотрю на его руки.

«— *Встал попить воды и услышал как ты двигаешь стул*», — показывает Марк. Движения у него резкие, но четкие — он всегда жестикулирует так, будто рубит воздух.

«— *Все нормально? На часах три ночи*».

Не знал что еще так поздняя ночь. Даже не подумал посмотреть на часы.

«— *Просто всякий бред снится*», — отвечаю я, отмахиваясь. Руки слушаются плохо, пальцы все еще ватные, но я складываю знаки. «— *Всё отлично. Иди спать*».

Марк не уходит. Он стоит в дверях, скрестив руки на груди, и смотрит на меня сверху вниз. Знаю этот взгляд — когда он не верит ни единому слову, но знает, что лезть бесполезно. Мы знакомы с первого курса универа и это достаточно долго, чтобы он понимал: если я говорю «всё отлично», значит, я не готов говорить вообще.

«— *Снова пишешь?*» — спрашивает Марк, подходя ближе. Я киваю. Вижу как он тяжело вздыхает, сдаваясь.

«— *Ты так же отлично выглядишь, как и вчера*», — показывает он, и в уголках его губ появляется намек на усмешку. «— *То есть как помойка. Прямо скажем, не фонтан*».

Я выдавливаю из себя что-то вроде улыбки. Не получается, наверное, убедительно, потому что Марк хмыкает.

Он делает шаг назад, к выходу, но перед этим задерживается на секунду.

— Чувак, — губы Марка двигаются медленнее, и в мимике лица мягкость, которую он редко позволяет себе на людях. — Ты же знаешь, что я всегда рядом? Если захочешь поговорить. Как бы пафосно это ни звучало.

Я поднимаю два больших пальца вверх. Знаю. И вижу эти слова в тысячный раз. Марку я рассказываю многое, но самое сокровенное остаётся там — за воротами, которые сам же заковал огромной цепью, навесил крепкий замок, а ключ выбросил.

— Спокойной ночи, псих. Завтра, то есть уже сегодня, на работу. Не проспай, — бросает Марк на прощание, и его фигура исчезает за дверью.

Я усмехаюсь и тянусь к телефону на тумбочке у кровати, чуть ли не падая со стула.

Экран загорается, режет глаза, и я щурюсь, привыкая к резкому свету. Пальцы сами, по привычке, открывают рабочий чат — действие механическое, повторённое тысячу раз, — и тут я натываюсь на непрочитанное сообщение. От Герды.

Вчитываюсь в строчки, и где-то в груди начинает отпускать. Тот липкий ужас, что держал меня в своих тисках, медленно отступает, уступая место чему-то другому. Теплому.

«Филипп, привет. Ты не против сходить в субботу прогуляться? Но если ты занят, окей, ничего страшного».

Смотрю на экран, на её имя, и понимаю: мы не виделись два дня — с того самого дня в её квартире.

Пальцы летают над клавиатурой, а ноги на автомате идут к кровати.

«Конечно, не против. Но, может, встретимся раньше? Завтра, например?»

Отправляю. Смотрю на экран секунду, другую, третью, не зная чего жду. Время три часа ночи — вряд ли она не спит. Ставлю телефон на зарядку, падаю обратно на подушку и приятное покалывание в груди разливается, точно самая сладкая из фантазий.

«Тебе идет вечер Петербурга» — показываю я телефон Герде, волосы которой развиваются в весеннем воздухе.

Она наклоняет голову, вчитывается, и на ее лице появляется то выражение, которое я уже успел выучить: легкое недоумение, смешанное с любопытством.

— А что это значит? — спрашивает она.

Поднимаю телефоном и печатаю.

«Это значит, что ты здесь — как часть города. Не на фоне, а внутри. Такая же сложная, красивая, немного грустная. И я не могу отвести взгляд».

Протягиваю ей телефон. Она читает медленно, и я вижу, как ее глаза задерживаются на последних словах. Она отворачивается, поправляет прядь за ухо, но я успеваю заметить, как дрогнули уголки ее губ.

— Ты, иногда, говоришь неудобные вещи, — говорит она, но в ее мимике нет раздражения. Только смущение, которое она пытается спрятать.

Я улыбаюсь. Печатаю:

«Я только начал»

Она хихикает, запрокидывает голову, и ветер снова бросает ей волосы в лицо. А я смотрю. Не могу насмотреться.

Волосы у нее темные, но на свету набережной в них вспыхивают едва заметные рыжие искры — будто город нарочно подсвечивает их только для меня. Ветер играет с ними, бросает на лицо, и Герда то и дело щурится, смахивает их, но они снова лезут в глаза. Мне хочется самому убрать эту прядь, провести пальцами по виску, но я не решаюсь.

Она сидит ко мне вполоборота, поджав под себя ногу, обутую в кроссовок, который почему-то идет ей больше любых изящных туфель. Пальцами обхватив стакан с чаем, она дует на пар, и я вижу, как складываются ее губы. Мягко. Такие губы должны только улыбаться. Меня охватывает непреодолимое желание почувствовать их своими.

Утром мы переписывались. Я почти не спал — ночной кошмар оставил после себя след, от которого до сих пор не могу отделаться. Знакомая тьма, знакомая пустота.

Герда согласилась встретиться после моей работы. На набережной, недалеко от ее дома. Я почти не бываю в этом районе.

Она делает глоток, и ветер доносит до меня цветочный запах — не резкий, не душный, а легкий, будто она только что вышла из сада. Я чувствую его каждую нашу встречу и он сводит с ума все мои обонятельные рецепторы.

Я открываю записку на телефоне, печатаю:

«Как называются твои духи? Они каждый раз заставляют меня отвлекаться»

Она наклоняется, читает, и на ее лице появляется это выражение — смущенная гордость. — Императрица, — произносит она одними губами, и я читаю это слово по движению ее рта.

Я усмехаюсь. Печатаю снова:

«Странно, что не принцесса. Но мне нравится»

Она читает и смеется — прикрывает рот рукой, и в уголках глаз собираются смешливые морщинки, такие крошечные, что заметил бы их только тот, кто смотрит так же пристально, как я.

А я смотрю. Ловлю каждое ее движение. То, как она кусает губу, когда читает. То, как отводит взгляд, когда смущается. То, как поправляет волосы, даже если они не мешают — просто от волнения.

Мне хочется подобраться к ней поближе. Не потому что холодно — ветер уже не тот, что днем, но терпимо. А потому что я хочу видеть ее лучше. Видеть каждую тень на ее лице, каждое движение зрачков, каждое колебание — хочет ли она остаться или уже ищет повод уйти.

Я печатаю:

«Можно я сяду ближе? Так я лучше увижу твои эмоции. А они у тебя красивые. Даже недовольные»

Она читает. Медленно. Потом поднимает на меня глаза — и я вижу то самое смущение. Мое самое любимое. Оно разливается по ее лицу волной: сначала легкий румянец на скулах, потом взгляд, который хочет упасть куда-нибудь в сторону, но не может оторваться от меня, потом легкое движение плеч — будто она хочет пожать ими, но не решается.

— Садись, — шевелит она губами.

Я поворачиваюсь к ней, сгибаю ногу под вторую и придвигаюсь к ней вплотную.

Смотрю на нее вблизи. Вижу, как ее ресницы колышутся от волнения, как пульсирует венка под глазом от нервов — маленькая предательская пульсация, которую она, наверное, хотела бы скрыть. Я вижу все, что она хотела бы, чтобы я сделал. Я сам хочу, но не сейчас.

Еле оторвавшись от ее лица, я печатаю:

«Знаешь, когда ты смущаешься, у тебя появляется маленькая складка между бровями. Прямо здесь» — я показываю пальцем на свою переносицу, чтобы она поняла. — «Я каждый раз жду, когда она появится. Это мое любимое место на твоём лице».

Она читает и снова смущается. И снова эта складка появляется. И я улыбаюсь, потому что поймал ее. Потому что она — как открытая книга, только написана на языке, который я один умею читать.

Она смотрит на меня с притворной строгостью и показывает:

— Ты специально это делаешь.

Я развожу руками: «Ничего не могу с собой поделать».

Она качает головой, но уголки губ дрожат в улыбке. Она отворачивается к реке, делает вид, что смотрит на кораблик, который медленно тащит по Неве баржу. Но я вижу, как Герда улыбается.

И тут меня накрывает.

Почему она здесь? Со мной. С глухим парнем, который пишет в заметках на телефоне. Она та, которая могла бы сидеть где-нибудь в ресторане с нормальным парнем, который слышит ее голос, смеется над ее шутками, который сможет наслаждаться музыкой вместе с ней и вести в танце. С тем, кто не будет смотреть на нее так жадно, словно она — единственное, что держит его на этой земле.

Я слишком много на нее смотрю. Знаю, но не могу остановиться.

Она чувствует мой взгляд. Поворачивается. Вопросительно поднимает бровь.

Я выдавливаю улыбку, печатая:

«Почему я?»

Она читает. Долго смотрит на экран. Потом поднимает глаза, и в них нет жалости. Она берет мой телефон, стирает сообщение и печатает свое:

«Потому что ты видишь меня всю».

Я смотрю на эти слова, и в груди разливается тепло, тягучее, отчего хочется закрыть глаза и просто сидеть здесь, чувствуя ее рядом.

— Куда мы едем?

Герда поворачивается ко мне, и я ловлю её выжидательный взгляд. Я улыбаюсь едва заметно, глядя на нее взглядом, который, я надеюсь, говорит: «Потерпи и скоро все увидишь».

Она чуть прищуривается, будто сомневается, но отворачивается к окну. Я вижу, как её пальцы лежат на коленях — аккуратно, но слишком неподвижно. В её плечах есть легкая скованность, и я понимаю причину. Не каждый день оказываешься в машине с водителем, который не услышит ни сигнала, ни внезапного окрика. Люди стараются не думать об этом, но тело всё равно выдает тревогу. Марк уже привык, а вот мои немногочисленные знакомые всегда с опаской садились со мной в машину и тщательно пытались это скрыть. Я понимаю их, но мне всегда почему-то от этого смешно.

Я веду машину одной рукой, а второй медленно протягиваю ладонь к ней — открыто, спокойно, не отрывая взгляда от дороги.

Она замечает движение боковым зрением. Я чувствую, как ее длинные пальчики осторожно ложатся в мою ладонь. Кожа у неё прохладная, почти холодная. Я мягко сжимаю её пальцы — совсем слегка, но чувствую, как напряжение в её руке постепенно уходит.

Она выдыхает. Я замечаю это в коротких подглядываниях — как медленно опускаются плечи, как чуть смягчается линия губ.

Город тем временем начинает меняться. Свет в окнах загорается один за другим, как будто кто-то аккуратно и точно проводит по ним зажигалкой. Вода темнеет быстрее улиц, и редкие блики фонарей скользят по её поверхности, ломаясь и растягиваясь.

Я люблю этот момент. Когда Питер перестаёт быть будним — и становится настоящим, живым.

Сегодня всё выглядит иначе. Даже знакомые улицы кажутся мягче, глубже. Возможно, потому что я постоянно чувствую рядом Герду — тепло её присутствия, лёгкое движение воздуха, когда она поворачивает голову, слабый запах её духов, который иногда доносится, когда машина плавно меняет направление.

Она молчит, но тишина между нами не пустая. Она тёплая и спокойная, как мягкий свет, который постепенно наполняет салон.

Когда впереди начинает вырастать знакомый силуэт, Герда сначала не сразу понимает, куда мы приехали. Но затем её спина выпрямляется, и она медленно поворачивается ко мне.

Лахта Центр поднимается над горизонтом, словно стеклянный маяк. Вечернее небо чистое и башня будто прорезает его, отражая последние оттенки уходящего заката. Герда смотрит сначала на башню, потом на меня.

— Погоди-ка... — её губы еле шевелятся. — Мы... сюда?

Я слегка приподнимаю бровь, позволяя полуулыбке скользнуть по губам.

Она снова смотрит на башню, и в её глазах появляется растерянное восхищение.

— Но... сюда же почти невозможно попасть... Билеты... их же раскупают...

Я лишь смотрю на неё с той же легкой хитринкой.

Мы подъезжаем к парковке. Я мягко нажимаю на тормоза и глушу двигатель. Тишина становится глубже — такая, в которой особенно отчётливо ощущается движение воздуха или вибрация от проезжающих машин. Ничего рядом, ничего лишнего.

Я выхожу и обхожу машину. Герда уже стоит рядом, всё ещё оглядывая башню так, будто боится, что она исчезнет.

Открываю заднюю дверь и достаю рюкзак. Я перекидываю его через плечо, чувствуя знакомое распределение веса.

Мы направляемся ко входу. Герда идёт совсем рядом, иногда поглядывая вверх. Я достаю телефон и быстро печатаю сообщение.

«Я приехал».

Через пару минут двери открываются, и к нам выходит парень. Он выглядит так, будто только что вышел из аудитории универа: немного растрепанные волосы, очки, куртка чуть велика. Ботаник не иначе. Я знаю что скрывается под этой небрежностью и глуповатым видом — спокойствие и внимательность.

Он замечает меня и улыбается широко.

— Фил.

Я протягиваю руку, а он привычно хлопает по ней в знак приветствия. Вова Рогов. Мы познакомились в универе. Он один из немногих, с кем никогда не возникало напряжения. Он всегда говорил медленно, чётко, не торопился, и со временем мы просто начали понимать друг друга без лишних усилий. Как только его взяли, как он сам сказал, на работу мечты, я стал часто навещать сюда: и с другом пообщаться и встречать рассветы.

Он переводит взгляд на Герду, и в его глазах появляется нескрываемое любопытство.

— Значит, вот кто сегодня с тобой.

Я быстро печатаю:

«Герда»

Он протягивает ей руку.

— Вова. Для своих — Рог.

Герда улыбается — мягко, чуть смущенно и пожимает руку в ответ.

— Очень приятно.

— Сегодня отличный вечер, — говорит он, оглядывая небо. — Вид будет идеальный.

Я тоже смотрю вверх. Воздух чистый, прозрачный. Такой вечер нельзя пропускать.

Рог переводит взгляд на меня.

— Надолго?

Я развожу руками и пожимаю плечами как бы говоря: «Как всегда»

Он усмехается.

Оставив Рога на том же месте, мы направляемся к лифтам. Герда идёт рядом со мной, иногда касаясь плечом.

Лифт поднимает нас вверх плавно. Стеклянные стены позволяют видеть город, который постепенно уходит вниз. Огни становятся плотнее, шире, превращаясь в огромную карту света. Герда смотрит вниз, а я наблюдаю за ней, стоя почти вплотную.

Когда двери открываются, прохладный воздух встречает нас мягким порывом. Мы выходим на открытую часть смотровой площадки.

Герда замирает. Она делает несколько осторожных шагов вперед и смотрит вниз. Город расстилается под нами, будто живое полотно. Река отражает огни, мосты вытягиваются светящимися линиями, улицы словно текут между тёмными островами зданий.

— Я... — и её губы дрожат от улыбки. — Я так хотела сюда попасть... Я только на камере смотрела... на сайте... но...

Она качает головой.

— Вживую... это совсем другое...

Я смотрю на неё. И понимаю, что ради этого восторга на лице стоило приехать.

Я снимаю рюкзак, достаю мягкий плед и осторожно накрываю ее плечи. Она смотрит на мои руки и крепче укутывается в ткань. Я отхожу от нее и сажусь на большую подушку в дальнем углу площадки у стеклянного ограждения. Она садится рядом, пуская меня под плед и придвигается ближе.

Ночной Питер перед нами медленно погружается в огни. Я чувствую, как меняется всё вокруг. Тот же вид, тот же ветер, тот же город... но рядом с ней всё становится иным. Даже свет луны кажется мягче, едва касаясь наших ног.

Я часто приходил сюда один. Садился точно так же, смотрел вниз, писал строки в своей тетради. Представлял музыку, которую никогда не услышу.

Сегодня мысли текут иначе. Герда поворачивается ко мне осторожно. Наши лица очень близко — я различаю каждую родинку, каждую трещинку на губах.

— Можно... спросить?

Я киваю.

Она медлит, потом тихо:

— Про твою глухоту...

Я достаю телефон и начинаю печатать.

«Возьми свой телефон, пожалуйста»

Она удивляется, но достаёт его. Я вижу, как экран освещает её лицо мягким светом.

Я начинаю писать.

«Когда мне было десять, произошла авария. Мама и папа не выжили. А я... меня чудом удалось спасти. Это был мой день рождения».

Я вижу, как её глаза пробегают по строкам. Её дыхание становится медленнее. Губы чуть приоткрываются.

Я продолжаю.

«Мы ехали из кафе. Я сидел сзади, пристегнутый. Смотрел в окно. Был вечер. Я помню фонари, которые скользили по стеклу и мамин смех...»

Я останавливаюсь на секунду. Пальцы замирают.

Потом пишу дальше.

«А потом удар. Много хаоса и темнота. Когда я открыл глаза, машина была перевернута. Я висел вниз головой на ремне. И не сразу понял, где я».

Перед глазами всплывает тот момент — перевёрнутый мир, стекло, запах металла, холодный ремень, который впивался в плечо.

Я печатаю медленнее.

«Спереди были они. Мама и папа. Я кричал. Но они не отвечали. Я видел их. Кровь. Я не мог отвернуться. Просто смотрел... и кричал»

Я чувствую, как пальцы становятся тяжелее.

«Потом кто-то потянул меня за плечо. Меня вытащили. Мне говорили, что до самой больницы я кричал, звал, но я не помню этого, потому что не слышал. Совсем. Врачи сказали

— органы слуха не повреждены. Это был шок. Мозг просто... отказался слышать. Позже я понял, что последнее, что я слышал — удар. И свои крики в машине».

Я поднимаю взгляд. Герда плачет. Слёзы тихо скатываются по её щекам, и она как будто не замечает этого. Она смотрит на экран, будто пытаюсь прочитать что-то между строк.

Её губы едва двигаются.

— Филипп...

Я чувствую, как внутри появляется резкое беспокойство. Я быстро печатаю:

«Прости. Не надо было»

Она сразу качает головой.

— Нет... нет... не проси прощения...

Она вытирает слёзы, но они снова появляются.

Я продолжаю писать.

«Когда я вырос, я начал читать про такие случаи. От сильного шока можно потерять слух. Даже если уши работают. Мозг просто блокирует звук. Чтобы защититься. Это называется психогенная глухота»

Я смотрю на неё. Она читает медленно, внимательно.

«Врачи говорят, что иногда такое проходит. Но не всегда. Иногда мозг просто боится снова открыть звук. Потому что он связан с тем моментом, когда произошел самый сильный шок»

Я пытаюсь прочитать ее эмоции и печатаю:

«Ты напугана?»

Герда долго смотрит на меня.

— Нет...

Её губы чуть дрожат.

Она откладывает телефон. Потом неожиданно встает на колени, забирает мой телефон из рук и кладет его рядом со своим.

Я не успеваю понять, что она делает, когда она мягко раздвигает мои колени и перекидывая ноги в темных джинсах, встает передо мной. Она садится на кроссовки и прижимается щекой к груди, сцепляя руки за моей спиной. Крепко. Неосторожно. Я замираю. Чувствую тепло её тела, её руки на моей спине, её дыхание у груди, ее сладкий запах. Она прижимается сильнее, будто хочет передать через это объятие всё, что не может выразить словами. Но со мной этого и не нужно. Для меня искренние движения красноречивей любых слов.

Мое тело сначала напряжено от неожиданности, но потом постепенно расслабляется. Я обнимаю её в ответ и тяжело выдыхаю в ее макушку, накрывая нас пледом. Я закрываю глаза и впервые за долгое время чувствую, как внутри становится тихо. Мы сидим так долго. Я не знаю сколько. Время для меня растворилось как ненужный аксессуар.

Когда она отстраняется, наши лица очень близко. Ее щеки розовые, глаза влажные, губы чуть приоткрыты.

Я поднимаю руки ладонями вверх как бы спрашивая: «Можно?»

Немного поколебавшись, она кивает и встает на колени.

Я притягиваю её ближе за талию, она садится мне на колени и я утыкаюсь носом в её шею. Выдыхаю ее сладкий запах медленно и глубоко и чувствую как меня уносит. Ее пульс бежит так же быстро, как и мой. Её кожа тёплая, мягкая. Я касаюсь губами ее шеи и мне хочется укусить желанную сладость. Я чувствую лёгкую вибрацию, когда она выдыхает.

Вдруг её тело едва заметно дрожит, и я ощущаю это через шею. Я сразу отстраняюсь, чтобы увидеть ее лицо.

Она смотрит на меня растерянно. Щеки горят, взгляд темный и немного потерянный. Она держится за мои плечи. Ее руки медленно перемещаются к моей шее и она смотрит, боясь лишний раз моргнуть.

Я тянусь к телефону, не отпуская её. Печатаю одной рукой:

«Твой запах сводит меня с ума. Прости, если напугал. Без слуха я более тактильный и чувствительный чем ты».

Она читает. Я вижу, как пробегают строки в отражении её зрачков. Как меняется её дыхание — становится глубже, рванее. Она медленно забирает мой телефон и кладет обратно на пол, даже не отводя взгляда.

Гулкое биение сердца отдаётся в спину, будто кто-то бьёт в барабан внутри меня. Я не двигаюсь. Только смотрю на неё. Я чувствую, как её пальцы за моей шеей дрожат. Смотрю как розовый цвет с её щек перетекает на шею, уходя под черную футболку. Она не моргает. Она словно боится, что если закроет глаза, этот момент рассыплется, и мы вернемся в реальность, где всё сложно. Я боюсь этого не меньше нее. Я тону в ее глазах цвета моря.

Я чувствую запах её кожи даже на расстоянии. Это сводит с ума. Мозг отказывается обрабатывать что-либо, кроме неё. Каждый нерв моего тела натянут как струна и направлен только на неё.

Я медленно, чтобы она могла остановить меня, если захочет, провожу ладонями по футболке от её хрупкой талии вверх, завожу руки дальше назад, по спине под кожанной курткой, ощущая каждый позвонок через тонкую ткань. Она вздрагивает, выдыхает, но не отстраняется. Она запрокидывает голову, и линия её шеи выгибается, точно приглашая меня коснуться, попробовать, запомнить этот изгиб навсегда.

Одну руку я убираю со спины и зарываюсь пальцами в распущенные мягкие волосы. Я не притягиваю её, а ладонь ощущает тяжесть её волос. Она прикрывает глаза и медленно опускает руки по моей груди. И когда снова открывает их, в них только мольба.

Я смотрю на её губы. На то, как она кусает их. На то, как бьется жилка на её шее. Мой мир сужается до этого восхитительного момента предвкушения.

Очень м

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.